

Анастасия-Агата
СИНКЕВИЧ

Рыжий Ангел

Анастасия-Агата Синкевич

РЫЖИЙ АНГЕЛ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095251
ISBN 9785448552700*

Аннотация

Огромная благодарность моей маме – Иоланте Синкевич. «Когда совсем плохо и кажется, что выхода нет, приходит Рыжий Ангел. И тогда сказка становится былью. Автор это ответственно подтверждает, так как большинство рассказов не то что придумывались, а скорее „записывались по горячим следам“. Упустишь момент, и все – рассказа нет. А еще реальные прототипы сказок-рассказов ответственно заявляли, что все действительно в итоге заканчивалось хорошо и иначе как чудом это не назвать».

Содержание

Рождение «движка»	6
Рыжий Ангел. Начало	10
«Движок»	12
Иногда ангелы рождаются именно так	15
Мой цвет – бездна	17
Порой надо жертвовать крыльями	23
Шаг за шагом	40
Рождество	44
Пять мгновений жизни	46
Когда ангел грустит	49
Просто должно пройти время	54
Между небом и землей	61
Когда ты был человеком...	68
Шар	79
Каждый выбирает сам	81
Так же, как...	83
Они тебя любят...	86
«По венкам импульсы»	93
Рыжие крылья сохнут долго	95
Хороший день, однако	98
Диалог	100
Даже ангелы в Рождество и Новый год жаждут чуда	101

Рыжий Ангел

Анастасия-Агата Синкевич

Иллюстратор Анастасия Евграфова

Корректор Алена Зуева

© Анастасия-Агата Синкевич, 2017

© Анастасия Евграфова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5270-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождение «движка»

*Подними перчатку, время собираться в дорогу.
Солнце уже горизонт покрывает собой.
Алое небо вещает тревоги и ветер.
Знаешь, пора возвращаться домой...*

– Давай руку, тут скользко.

– А еще долго идти?

– Да нет, минут пять. Ты все помнишь?

– Все. Жалко, что забуду. А можно сделать так, чтобы хоть что-то помнить?

– Нельзя. Единственное, могу обещать дежавю.

– Де... же... что?

– Глупый. Ты не будешь помнить, но тебе будет казаться, что помнишь. Так будет часто, главное – доверяй чувствам. Я же не смогу быть с тобой рядом, как сейчас.

– А как сможешь?

– Ну, я буду где-то поблизости. Иногда очень близко. Просто ты не сможешь меня видеть.

– А ты будешь волноваться?

– Не знаю. Наверное. Я почти привык.

– В прошлый раз было так же? Ты тоже провожал меня до порога? Я помнил потом или забыл? Доверял чувствам или стал глух?

– Как много вопросов в конце. В прошлый раз... В прошлый раз я стоял за спиной и кричал: «Не надо!», а ты был глух. Тебе казалось, что твоя боль – это боль мира. Смешно, но мир не умер вместе с тобой. Вернее, умер, но не тот мир, который ты знал. Умерла только его часть. Та, в которой был ты. Она рассыпалась на осколки и заполнила собой живущих. Они не знают об этом.

– А она знает?

– Нет, но она чувствует, что тебе надо дать шанс. Просто в ней тебя больше, чем в ком бы то ни было. И потом, ты ей нужен, как и она тебе.

– Не думаю. Тут лучше, спокойнее и есть время подумать.

– Ты думал уже много раз, но всегда все заканчивалось одинаково.

– Цикличность? Закономерность? Карма?

– Слова ничего не значат. Просто это в тебе.

– А если не получится?

– Тогда небытие. Хватит растворяться в ком-то, пора становиться кем-то. Это твой последний шанс, впрочем, как и мой.

– Если не получится, то тебя тоже не станет?

– Да.

– Это неправильно.

– Это закон. Я отвечаю за тебя. Я учу тебя. Я веду тебя. Твои ошибки – это мои ошибки, и с каждым твоим очищением я принимаю тебя, отдавая себя.

– А та, другая, она тоже будет?

– Она уже там.

– И опять я опоздаю... На сколько? Десять, двадцать, тридцать лет? Может, на всю жизнь. Помнишь, как-то я пришел, а ее уже не стало. Ее забрали. Глупо вышло.

– Ошибки бывают. Сейчас она уже там, и ты опоздаешь совсем чуть-чуть, а дальше все зависит от тебя и немного от нее. Когда люди там, они нетерпеливы. Не ценят того, что есть, а если и ценят, то с опозданием на «поступок». А поступок не переделать.

– Пора?

– Пора.

– Прощай.

– До встречи.

В палате плакал ребенок. Маленький человек, перешедший Рубикон из тени в свет. Все, что было до, забывалось. Все, что будет после, еще не пришло. А у ангела снова выросли крылья.

Рыжий Ангел. Начало

Крылья за спиной и ветер.

Привет, человек. Я ангел. Видишь?

Как нет?

Я ведь с тобой с самого утра.

На рассвете, когда ты спал, я сменил ангела ночи. Даже на небесах есть смена и дежурные. Сегодня мой пост – ты.

Эй, человек, это я зажег утреннюю звезду, солнце и радио... Твоя песня... Ты улыбался, это ведь тоже я.

Ну куда ты бежишь? Постой. Я устал. Давай попьем кофе?

Кофе. Ангелы не чувствуют вкуса в одиночку. Ты будешь пить, а я отпивать с края губ.

Подожди. Не облизывай губы. Не обли... ну вот.

Меня не видишь. Меня не знаешь. А кто утром подал тебе троллейбус к остановке и не заставил ждать?

Эх, все думают, что ангелы глобального масштаба существа. На самом деле – мелочевка.

Стой!

Ага, упал.

А все отчего? Оттого что я отвлекся, заболтался, недосмотрел.

Сейчас вот устрою сидячую забастовку, и иди сам. Размаживай руками. Жди чуда. А идешь-то к ней. Вот и попробуй без меня.

Пробуешь? Уходишь? Не оборачиваешься? Так нечестно!
Ни слова благодарности и молчание.

Мда, нет радости в этом мире. Сяду и буду плакать. Сложу крылышки и колокольчик на груди.

Буду сидеть. Дуться. Дуться. Смотреть по сторонам. Люди. Люди. Лю... Девушка.

– Милая девушка, вам ангел не нужен? Де-вуш-ка! Вам ангел, говорю, не нужен?

Не слышит. Зато мила. Удивительно мила. Может, расправит крылья и колокольчик того...

– Девушка, стойте! Не уходите. Я лечу за вами...

«Движок»

– Ты думаешь, стоит дать еще один шанс?

– Ну, я не столь категоричен. И потом... почему нет?

В конце концов, это когда-то произойдет.

– Но я не хочу его отпускать. Мне интересно с ним.

– А мне с тобой. Но я ведь тебя отпускаю.

– Сравнил тоже. Я всегда возвращаюсь. И потом, я не ухажу надолго.

– А что, по-твоему, долго? Из них надолго никто не уходит. Кто-то даже додумался, что все относительно.

– Эйнштейн. Интересно, кто ему помог? Уж точно не я. Я тогда объелся слив и всю относительность переживал на себе.

– А выйти из тела не пробовал?

– Забыл. Привык.

– А я все никак не могу привыкнуть. Наверное, потому что редко бываю. Мне уютно тут. В пространстве до и после.

– Так шанс-то дадим?

– А куда мы денемся? Помнишь, как в прошлый раз, когда, вместо того чтобы... он решил стать великим актером?

– И стал. Ты мне проспорил дежурство!

– Стал, вот ведь упрямец. А я потом правил все тут. Еще одну параллель строил. Думаешь, параллели бесконечны?

– Думаю.

– И правильно думаешь. Только так занудно из-за одного строить множества.

– Слушай, а может, просто сразу его... ну это... и без права выбора. Типа, действуй малыш – и все! Все наши проблемы сняты.

– Ага. И потом тебя за эту самую непроблему выбора и Тот и Другой будут чихвостить. Тут поодиночке с ними не сахар. А уж когда оба сразу – этого еще не бывало. Но будет.

– Да. Будет. И что ведь странно. Все остальные так или иначе выполняют задачу. Пусть не с первого раза. Пусть проходя через всякие проблемы. Но ведь или ты, или я его получаем. Так?

– Так. За последнего красивую партию разыграли. Из 12 попыток фифти-фифти. Я, когда Те решили его в тринадцатый раз пустить, чуть не помер. И ты тоже друг, нет чтобы сразу отказаться, всю жизнь морочил мне голову своими головоломками.

– Да ладно. Завершили же и его путь. А вот с этим-то что делать? У него какой раз?

– А фиг его знает, какой. Этот единственный – без счета попыток. И даже я не знаю, что в итоге.

– Ага. Я тоже. Работаю наугад. Но я, кажется, понял.

– И?

– Все просто. Он «движок». Понимаешь?

– Первый и последний?

– Да.

– Может, тогда попридержим?

– Нельзя. Уже неделю как должны были выпустить.

– Не дрейфь... Вдруг не сложится?

– Я тогда тебе пива куплю.

– И я тебе.

– Ну что? Пошли, что ли, выпускать?

Он опять родился под утро. Он не помнил, какой раз родился под утро. Он кричал и плакал. Он не хотел и устал. Он забыл все прошлые имена и пока еще не знал будущие. Он такой маленький и хрупкий, «движок» этого мира. Человек – Все. Без плохого и хорошего. Без мук и радости. Серый среди личностей и личность среди никого... И только лишь с одним словом внутри – «надо».

Иногда ангелы рождаются именно так

«Кто-то забыл свои крылья на кресле. Не знаете кто? Вот и я не знаю. Нет, я, конечно, знаю, что ангел. Но разве такое бывает? Все ангелы даже спят с крыльями. Даже те, кто только первый раз, первый день и первую ночь. Крылья – это их душа, если, конечно, можно так сказать. А тут вот на тебе – лежат. Белые. Ярко-белые. Это падает солнечный свет. Хотя откуда свет ночью? И откуда я знаю, что ночь? Крылья... Вот бы прикоснуться и ощутить тепло. Все ангелы чувствуют за спиной тепло, словно что-то свыше вдохнуло в крылья тепло вселенского огня, и теперь ангелы навечно несут его с собой людям. Я впервые вижу крылья, но всегда знал о них. Откуда знал? Знаю? Я запутался. Черт! Прости Господи, больше не буду упоминать его всеу. Да и вообще упоминать. Знаю, как ты относишься к этому. Как же хочется дотронуться до крыльев. Просто ощутить тепло. Пока никто не видит. Помню, в детстве мне приснился сон, что я летаю. Я летаю где-то высоко, и в этой тишине только шум, даже не шум, а шуршание за спиной. И восторг – мои крылья! Как давно мне не снился этот сон. Я всегда знал, что мои крылья должны быть именно такими: бело-золотыми, большими, теплыми, манящими. Я только дотронусь. Кончиками

пальцев. Только дотронусь...»

Высокий человек подошел к креслу. Протянул руку. И крылья исчезли в воздухе... чтобы оказаться за его спиной. Высокий человек беззвучно рассмеялся, так смеется ребенок, когда он по-настоящему счастлив. Человек даже не заметил, что он обнажен и единственная его одежда – эти крылья и странный свет, окутавший его. Он подошел к окну. Посмотрел на звезды. Прислушался. Кому-то нужен ангел-хранитель. Кому-то... и он летит.

В больничной палате маленького городка всего пару минут назад умер бродяга. Обычный бродяга, каких много на улице. Бродяга, на которого никто не обращал внимания, глаза которого горели так ярко, что он должен был все время опускать их вниз, чтобы никто не увидел, как наяву ему мерещатся крылья.

Мой цвет – бездна

– Мой цвет – бездна. И по-другому не назвать. – Высокая, рыжеволосая, похожая на подростка-мальчишку девушка смотрела на воду и улыбалась.

– Ты просто сама себя им разукрасила, – ангел нахмурился. – Как же трудно с вами, молодыми.

– Ничего. Еще лет 10, и ты скажешь, что со мной самое то. Вся молодость пройдет. И счастье тоже.

– Ой-е, – ангел весело рассмеялся, – ты меня когда-нибудь доконаешь. Неужели ты думаешь, что 30 лет – уже старость?

– Ну, не совсем чтобы... – девушка вздохнула, – но плесень уже точно начнет покрывать мое чело.

– Все, – ангел уже смеялся во весь голос, – я больше не вынесу. Господи, я понимаю, что просто обязан слушать весь этот бред, но не каждый же день!

– Дурак! Ты вообще должен обо мне заботиться. Ты мой хранитель! Забыл?

– А я что? – ангел возмущенно подпрыгнул. – Я только о тебе и забочусь. Начиная с момента рождения и заканчивая сегодняшним утренним экзаменом с его логической тройкой. Тройка при полном отсутствии знаний – это высшее проявление заботы!

– Брр. Кому нужен реставратор со знанием высшей математики? Согласись, что бред учить то, что тебе не пригодит-

ся!

– Соглашусь. И именно поэтому тебе сегодня поставили не два, а три. Заметь, за это не исключают из института, – ангел посмотрел на девушку так, словно он был строгим учителем, а она несмышленным учеником.

– Да знаю я. А может, лучше подумаем о любви? – девушка робко посмотрела на его крылья. – Полетаем?

– Хватит. Налетались. Я тебе сто раз говорил, пока не полюбишь себя, любовь не придет. Тут я бессилён.

– Ну миленький, ну солнечный, ну попробуй!

– И пробовать нечего! Кто тебя полюбит? И, главное, за что? Если ты сама себя не любишь!

– Ну... я не знаю, – девушка растерянно смотрела по сторонам, – может, первый встречный?

– А ему-то какой резон тебя любить?

– Потому что я – это я!

– А кто ты? – ангел взял ее за руку. – Мы столько раз говорили, и все без толку. Я повторяюсь: реши для себя, кто ты. Как можно любить ничто?

– А можно разве только ничто?

– Конечно! Ведь любят не за что-то, а просто так. Но в этом «просто так» столько метафизики, которую можно разложить на миллиарды нечто! И самая главная составляющая этих миллиардов – любовь к себе. К себе такой, какая ты есть. К себе в этих веснушках. К себе с этими немножко перекосившимися зубами. Кстати, надо не забыть устро-

ить ситуацию знакомства с дантистом. Сама ты к нему точно не пойдешь! Надо любить себя за то, что ты вообще живешь и даришь свое существование миру!

– Ага. Так можно и Наполеоном стать, и эгоистом!

– Эгоизм не любовь. Не надо вдаваться в отклонения. Просто подумай, какая ты на самом деле внутри себя, и, достав самое первое зернышко, из которого и рождаешься реальная ты, стань собой.

– И что тогда?

– Хм, знаешь, если верить моему опыту, тогда твоя любовь будет искать тебя так тщательно, что, даже если ты станешь спринтером и чемпионом мира по бегу, тебе не убежать от нее.

– А с чего начать любить себя?

– Ну, начни со страхов. Хотя нет. Начни со своей темной стороны. Прими ее. Пойми ее. Узнай ее всю. Никогда не говори, что ты не предашь, потому что это неправда. Никогда не говори, что ты не бросишь, потому что это неправда. Никогда не говори, что не ударишь, потому что и это неправда. Скажи честно для себя самой, при каких обстоятельствах ты это делала и при каких, возможно, еще сделаешь. Скажи это себе и пойми себя. Может, тогда, когда придут такие времена, ты найдешь в себе силы и выход, чтобы не предать, не бросить и не ударить. Только пережив это, ты сможешь отказаться от этого.

– А потом?

– Потом отпусти тех, кого ты любишь. Люби их тогда, когда они не любят тебя. И будь благодарна им за то, что ты их любишь.

– Бред! Как я могу быть им благодарна за то, что они меня не любят?

– Но ведь их любишь ты. Каждый миг с ними для тебя счастье. Так?

– Да, но так мучительно знать, что они не оценят!

– Стоп. Если у тебя есть кусочек счастья, не гонись за всем счастьем. Подумай, вдруг оно будет настолько большим, что раздавит тебя? Тебе дается ровно столько, сколько ты вынесешь.

– Ну счастья я вынесла бы и побольше!

– Думаешь? А ты смогла бы оценить это «побольше» и понять, что это счастье, будь оно таким большим?

– Не знаю...

– Вот и я не знаю. Всего дается ровно столько, чтобы приблизить нас к любви. Поверь, твоя любовь от тебя не уйдет и мимо тебя не пройдет. Она будет ровно такой и ее будет ровно столько, насколько ты готова. Никогда не сожалей о прошлом. Ты рискнешь не оказаться в будущем.

– Но кто-то...

– Кто-то идет по своему пути, и поверь, кому-то тоже непросто.

– И кто-то счастлив?

– Это понятие относительное, и это хранителю лучше

знать. Но думаю, что да.

– И кто-то, кто полюбит меня, любит себя?

– Любит.

– И любит кого-то еще?

– Да. Именно любовь к себе позволяет любить другого человека, не нарушая его свободы.

– А что же делать мне?

– Идти к себе и не бояться себя.

– Как же я устала! Это ужас!

– Нет. Просто жизнь.

– Угу. Мне пора домой.

– Давно уже.

– Ты со мной?

– Как всегда – да! Хотя иногда ты меня и утомляешь.

– Хм, это твой удел, хранитель. Пошли.

Девушка последний раз посмотрела на садящееся за горизонт солнце. Если прищуриться, то в лучах можно заметить, словно мираж, огненные крылья Рыжего Ангела. Девушка бросила камешек. Легкий всплеск воды или взмах крыльев. Она улыбнулась. Пора домой.

А Рыжий Ангел, став легче воздуха и прозрачнее *ничего*, приютился у нее на плече и писал в своем блокноте:

«1. Влюбить.

2. Разлюбить.

3. Утешить.

P. S. Пока не научится любить себя».

Порой надо жертвовать крыльями

Ангел чихал на райские кущи. Вернее, на цветочки. Или, еще вернее, на то, что, может быть, и стало бы ягодками, если бы он не чихал. Вообще-то, ангелы, по сути своей, чихать не могут. Потому как не болеют. Именно поэтому звонкий ангельский чих привел в такое смятение всех обитателей небесной канцелярии. Все слышали легенду о чихе, но мало кто мог поверить, что однажды услышит чих реальный.

– А-а-а-пчхи! Прости, Господи, что же это со мной? А-а-а-пчхи! И никто ведь и близко не подойдет. Все боятся. Даже Рыжий улетел «в Париж по делу срочно». Господи, ну хоть ты-то явись! А-а-а-пчхи! Что же это со мной?

– Да ничего, ничего хорошего, – Господь медленно повернул голову в сторону чиха и поморщился, – даже не представлял, что увижу такое время, когда ангел чихать будет. Ты хоть осознаешь, что натворил?

– А-а-а-а... а-а-а-а... а-а-а-а-а... апчхи! Осознаю. Только не понимаю, почему и за что?

– Тебя за кем поставили присматривать?

– Ну, за несколькими. Уже лет 600 по земному летоисчислению. Последние тридцать лет вот за дамочкой одной. Ой, прости, за женщиной.

– Ну и подумай теперь, что такого могло произойти, что ты теперь мне все небеса сотрясаешь?

– Да ничего особенного, Господи. Просто у меня на нее аллергия.

– Думаешь, у меня на нее аллергии нет?

– Есть?

– Нет. Только потому, что ты есть на то, чтобы быть всегда рядом. А ты, понимаешь ли, отлыниваешь.

– Но, Господи, вспомни, как она мне досталась!

***

– Итак, душа моя, пора бы уже и родиться. Сколько можно капризничать. Я уже иду на нарушение правил и даю тебе возможность выбрать родителей.

– Правила. Правила. Не понимаю этих правил. Опять рождаться. Кричать. Учиться. Страдать. Любить. И для чего?

– Чтобы жить и учиться.

– Чему?

– Быть человеком.

– Я была человеком уже 8 раз. Я была и мужчиной, и женщиной. Я была и правителем, и рабом. И все равно рождаюсь заново. Я устала. Можно мне просто побыть душой?

– Просто побыть можно. Ты и так «просто». Надо еще и «не просто» попробовать. Ты вообще думаешь любить по-настоящему, а не на одну ночь?

– Уже нет. Я ведь душа и вне тела. Мне не надо. Это телу

надо. И то, только потому, что вы придумали это дурацкое надо. Вот ты, когда еще не был ангелом, а был человеком и душой, ты женился или выходил замуж, заводил долгие отношения?

– Конечно. Все свои 12 воплощений. И с каждым новым у меня рождалось все больше и больше детей.

– Вот отсюда и кризис перенаселения. Земля-то не резиновая.

– Все шуточки шутишь?

– Нет, я серьезно. Как посмотришь вниз, так и задумаешься, вот бегают там, суетятся, а лет 60—80 проходит – и все равно сюда. Да и бед меньше не становится. Бессмысленно.

– Да ты понимаешь, что из-за одной тебя, эгоистки, у кого-то ребенок не родится. Что кто-то, может, так и не завершит свое предназначение.

– А мне-то что? Это пусть другая душа думает. Мне и тут хорошо.

– Так, хватит маяться! Или сейчас же рождаешься, или будешь пересчитывать очередь к реке забвения до тех пор, пока или очередь не кончится, или забвение не наступит.

– Да ладно тебе. Вот пристал. Рожусь я. Рожусь.

– И не забудь документы отметить, у кого родишься и...

Душа уже не слушала меня. Неслась сквозь очередь душ и, сбив привычный распорядок прихода на Землю, нырнула в реку забвения...

– Тужься же! Что за горе такое! Я тебе кто, акушер или бабка? Я тебе водитель. И мне надо до полуночи груз сдать. Вот сумасшедшая баба!

Женщина смотрела куда-то поверх головы мужчины и тоненько кричала:

– Ма-ма-а-а-а-а-а!

– Мама. Уже четвертый час мама. И как ты на мою голову свалилась. Рожать в лесу. Делать нечего? А если бы я не остановился? Если бы по нужде не вышел? Так бы и помиралась под кустиком? Мама... Эх!

– А-а-а-а-у-у-у-у-у!

– Ай, зараза, больно же! Отпусти руку-то. Когтищи какие! Смотри, головка показалась. Тужься, тебе говорю!

Женщина как-то странно выгнула спину и вдруг обмякла. Словно ватная игрушка. Была – и нет. И только тоненькое «у-у-а-а-а-а» как продолжение ее прежней ворвалось в ночной лес.

Одну жизнь лес забрал, другую принял. На обочине дороги стоял на коленях мужчина и сквозь слезы приговаривал:

– Разродилась, разродилась...

Через неделю в загсе города N оформили документы отца-одиночки. На работе шоферу выписали декретный отпуск, а друзья-приятели все воскресенье обмывали «Беленькой» неожиданное отцовское счастье...

– Так что, Господи, все не так просто было с самого нача-

ла.

– А кто сказал, что с душами просто?

– Ну, с другими было не так. А-а-а-пчхи! Она же с детства продолжала бунтовать. И чего, скажи, ей не хватало? Семья какая-никакая у нее была. Всегда одета, обута. В садик, опять же, пристроена. На лицо недурна. Я же ее каждую ночь до первого слова целовал. А-а-а... Ой, чихну! А-а-а-пчхи! Сам же знаешь, поцелуй ангела как благодать. Омывает и от бед охраняет. Сон дарует и красоту привораживает. Прости уж за языческие сравнения. Красивая же получилась девчушка.

– Красивая. Только что-то ты не то прицеловал ей. Ребенок кто с «мама», кто с «папа» говорить начинает. А у нее какое первое слово было?

– «Я».

– Вот именно! «Я»! А второе?

– «Люблю». Но кто же знал, что так вот второе – и сразу «люблю»?

– Никто. Реку забвения лучше чистить надо!

– А-а-а-пчхи! Прости, Господи!

– Люблю! – девочка посмотрела на папу и засмеялась.

– Ах ты мое солнышко. Кто у меня самый-самый?

– Я!

– Кому я привез гостинцы?

– Люблю! – девчушка, как медвежонок, приникла к от-

цу: – Люблю...

– И я тебя, солнышко мое, – мужчина посадил девочку на колени и, достав конфету, посмотрел на приятеля: – Знаешь, Игнат, прихожу сегодня в ясли, а там переполох. Моя сидит на стульчике в углу и сопит надувшись. Дети ревут. Воспитательница успокоить их не может. А эта только и бубнит: «Люблю, люблю, лю...»

– Она у тебя весь мир любить будет. Пока других слов, кроме как «я» и «люблю», не знает. А что натворила-то?

– Да понимаешь, воспитательница говорит, что зашла в спальню детей будить... А там... И смех и грех... Стоят они все в рядок у стеночки. Ну, кто стоит, кто сидит, а кто сонный и спит на ковре, а моя идет вдоль этого строя и, тыча пальцем в каждого из них, говорит или «люблю», или просто молча мимо проходит. Те, кого она «любит», сияют как медный таз, а те, мимо которых прошла, аж криком заходятся. А она серьезно так идет и вердикт выносит. Воспитательница, конечно, всех по кроватям. Успокоить ревущих пытается. А те в истерике. Тогда она эту пигалицу берет и говорит, что любить надо всех. А не любить – это плохо. Моя смотрит на нее серьезно так и говорит: «Люблю!», упираясь ей пальчиком в грудь. Вроде как поняла, что любить-то всех надо. А подвели ей кого-то из малышей, она опять за старое: одному «люблю», а мимо другого молча проходит. Тот и в рев. По два года карапузам, а ревут, что она их не любит, да так, словно сирена пожарная! Воспитательница их всех в другую

комнату увела, а мою в угол на табуреточку посадила, о жизни думать. Вот и я думаю, что у меня за ребенок? Ни «папа», ни «дай», а «люблю» говорит.

– Да... влюбчивый ребенок. Не заморачивайся. Тебя любит, и ладно. Пошел я...

– Помню-помню. Мда, ангел, что-то ты там не так сделал.

– Я не так? Господи, ты несправедлив! А-а-а-пчхи! Это она – не так! Ведь проплыла реку забвения без очереди. Попалась к первой попавшейся родительнице! И я виноват? Я ее, что ли, учил в школе задавакой быть? Я ее, можно сказать, от всего охранял. И всякие радости в жизнь привносил. А-а-а-пчхи! Кто же знал, что она будет меня помнить?

– Да... редкий случай, когда душа человека помнит все, что до рождения было. И еще более редкий, можно сказать, что и небывалый, когда душа эта тебя глазами человека видит, да еще и пользуется памятью своей! Вот так все ангельские беды и начинаются. По себе знаю. Не зря же вы часть меня, а я продолжаюсь в вас... А-а-а-ап... Фу на тебя, чуть сам не чихнул!

Ангел сидел, понуро опустив голову, и вспоминал свою первую встречу с этой странной душой на Земле.

...Девочке было скучно. Выпускные экзамены, так пугавшие одноклассников, казались чем-то смешным и незначительным. Учеба давалась ей всегда легко. Словно кто-то

рядом нашептывал знания на ушко и аккуратно складывал на полочках памяти. Любая прочитанная книга оставалась в ней навсегда. Любая математическая формула сама каким-то невероятным образом раскладывалась, складывалась и понималась с первого раза. Учиться было интересно и весело. И в то же время скучно. Странные и совершенно противоположные чувства.

Период первой школьной влюбленности, постигший всех ее подруг в последние два года, как-то прошел мимо. Нельзя сказать, что она никому не нравилась. Скорее наоборот. Она нравилась всем. Но найти своего первого, того, с кем робкое «люблю» завершится первым поцелуем, как-то не получалось. Не любилося так, и все тут. Любила она всех как-то ровно и одинаково. Впрочем, как и ненавидела. И если уж ненавидела, то жаль было этого человека. Ибо объявлялся он в школе изгоем, и жизнь становилась не в радость.

– Я люблю папу. Я люблю шоколад. Я люблю осень. Я люблю... – девочка посмотрела на свое отражение в зеркале и вздрогнула.

За спиной, на подоконнике, там, где солнце разрезало тюль на миллионы солнечных зайчиков, сидел ангел. Самый простой ангел. С большими белыми крыльями. В длинной белой одежде. С золотистым нимбом над головой и серебристым колокольчиком на шее.

– Ой! – девочка зажмурила глаза, а ангел с грохотом упал с подоконника.

– Ты меня видишь? – ангел поднялся с пола. Расправил крылья и внимательно посмотрел на девочку.

– Ага. То есть да. Вижу. – Она все еще смотрела в зеркало. Вдруг зажмурилась. Закрыла глаза руками и, обернувшись, распахнула руки как крылья, открыла глаза и выдохнула: – Настоящий!

– Угу. Настоящий...

У ангела были большие карие глаза и длинные русые волосы.

– А тебя как зовут?

– Как назовешь, так и зовут. И, вообще, тебе меня видеть не положено. Я твой ангел-хранитель.

– Ты он? – девочка обошла вокруг ангела: – Или она? – Потрогала за длинные волосы, проведя рукой по крыльям.

– Хороший вопрос. Вообще-то, я привык, что все хотят, чтобы я был он. Хотя иногда я бываю и она. Все сугубо индивидуально и по желанию.

– Значит, ты мой?

– Твой.

– А можно тебя любить?

– Я бы сказал, что даже нужно. Хотя это и сложно, потому как любовь к ангелам всегда бывает только через дела. Словами ее не выскажешь.

– А если я тебя люблю и хочу за тебя замуж?

– А вдруг я женщина?

– Тогда... жениться! – девочка засмеялась такому пово-

роту событий.

– Нет. Нельзя. Тебе надо найти себе мужа. А уж я буду рядом и помогу, если что не так.

– Но я не хочу мужа. Я хочу тебя.

– Как ты не понимаешь? Я ангел. Меня нельзя хотеть. Я и так есть с тобой всегда и везде. Просто меня не видно.

– А почему я тебя сейчас вижу?

– Не знаю. Может, потому что у меня никак не получается твое первое взрослое «люблю». Послушай, я, если честно, уже устал влюблять в тебя мальчиков. Может, ты немного постарайся и сама кого выберешь?

– Я не знаю, кого выбрать. А обязательно мальчиков? Может, можно и девочек?

– Перестань говорить глупости. Уже полгода как ты должна влюбиться. Я уже все крылья излетал, создавая ситуации, а ты все не влюбляешься и не влюбляешься!

– Тогда я скажу тебе страшную тайну. Можешь передать ее своим ангельским начальникам. Я влюбилась!

– Это хорошо. Это просто замечательно! Ты влюбилась! Ты выйдешь замуж! Ты родишь ребенка, и я получу еще одну серебряную каемочку на свой колокольчик. – Ангел захлопал в ладоши и, приплясывая на одной ноге, закружил что-то наподобие фуэте. – Ты влюбилась! Ты! Ты?! Ты? Стой! А почему я об этом ничего не знаю? Я просто обязан был об этом знать раньше тебя!

Девочка улыбнулась.

– Дурашка, я влюбилась в тебя!

Она подошла к оторопевшему ангелу. Надо же, почти одного роста. Разве что он был чуть повыше ее, и, привстав на цыпочки, поцеловала аккуратно в губы...

– Я люблю тебя.

– Силы небесные! Ты не можешь меня любить! Ты даже видеть меня не должна! Ты не имеешь право меня целовать! Ни один человек не может целовать ангела, это против правил! Ангелы без пола! Ангелы – это ангелы! И я вообще должен создать ситуацию, когда ты встретишь того, кого полюбишь!

– Подумаешь, – девочка снова села в кресло, – я не могу... Я очень даже и могу. И потом, ты создал ситуацию. Я увидела тебя. Я выбрала. Я люблю тебя, – девочка улыбнулась и, оттолкнувшись от стола, раскрутила кресло: – Я люблю тебя...

Когда кресло остановилось, в комнате никого, кроме девочки, не было. Но казалось, что это ее мало волнует. Если ангел был раз, то однажды он появится снова. А она-то уже точно знает, как выглядит первая любовь...

– Я люблю. Я люблю!

– Привет, егоза! – мужчина заглянул в комнату дочери. – Кого это ты любишь?

– Ангела, папа. Ангела!

– Смотри, передай этому «ангелу», что если он тебя обидит, то я поотрываю ему крылья!

– Папа, ты ничего не понимаешь!

– Ну, куда уж мне понять тебя-то. Пошли лучше кушать. Может, что и пойму за ужином. Расскажешь про своего ангела...

Ангел вздохнул и посмотрел на Господа:

– Ума не приложу, как она меня увидела? Ведь меня могут только души видеть, но никак не человеческие сущности.

– Ум не приложишь. Ума-то у тебя, братец, и нет! Это надо же явиться подопечной в лучах солнца. Да еще зная, что она прошла реку забвения в ускоренном режиме. Да, помнится, тогда мне пришлось нарушить правила и дать тебе с собой на Землю пузырек с водой забвения. Невиданное дело! Так можно было и весь распорядок нарушить.

– Господи, прости. Я виноват. А-а-а-апчхи! Но ведь потом все хорошо было. Она же забыла меня. В институт поступила. А-а-а-апчхи! Перестала папе про крылья мои рассказывать. Апчхи! И вообще, если судить по меркам людей, неплохо провела студенческие годы. В трудах праведных и учебе.

– Угу. Отговорился. Выкрутился. Думаешь, что я прямо-таки в восторге от того, что она вся такая хорошая? Вот только с душой заблокированной? Омытой душой. Скорректированной душой. Ей ведь потом опять надо будет переродиться и опять замуж выходить... если сейчас не выйдет. И кому мне «спасибо» потом говорить? Тебе?

– Мне, – ангел внимательно разглядывал облака под ногами. – Понимаешь, Господи, я пока не нашел на Земле лю-

дей с карими глазами и русыми волосами, которых было бы можно без особого труда с ней познакомиться и все такое. Чхи. Ой! Как правило, их ангелы-хранители уже расписали миссию для жизненной сущности. И все это никак не стыкуется с моей миссией для нее.

– А без карих глаз и русых волос не обойтись? Можно подумать, это такая редкость на Земле!

– Чхи! Чхи! А-а-а-пчхи! Нет, Господи, пробовал. Никак...

Молодая женщина сидела за столом и перебирала бумаги. «Отчеты. Отчеты. Вечером хоть от них отдохнуть. Вечером свадьба у подруги. Второй раз выходит замуж. Надо же. Всего-то двадцать пять, а уже второй муж и ребенок от первого брака. А я, как идиотка, невлюбчивая. Хотя, как посмотреть».

Женщина сделала вид, что работает. Открыла окно Word и записала: «Мои предпочтения – карие глаза и русые, почти бело-золотистые волосы».

«Предпочтения идиотки. У Николая были карие глаза. Ему не повезло с волосами. И папе он понравился. Когда это было? Второй курс, по-моему. Да. Второй. Ведь могла выйти за него замуж. А не вышла. Дура. Умотала летом на море с Оксанкой. Русалка Оксанка вот сегодня второй раз. А я еще ни разу. Как же я тогда голову-то потеряла? Умотать за две недели до свадьбы. Ехать вслед за ее свет-

лыми волосами. Чувствовать, как они пахнут морем, и, лежа рядом на песке, наблюдать из-под чуть прикрытых век, как она их расчесывает. Правильно папа сказал: „К доктору. Однозначно, к доктору!“ Оксанка тогда сделала вид, что не поняла. А я – что не поняла, что она поняла. Или потом. На первой работе. Когда решила, что оставаться девственницей уже не то что неприлично, а просто смертельно! Первый мужчина – Валерка Золотов – щуплый, маленький, робкий, но с такими кучерявыми белыми волосами, что казалось, ночью комната наполняется серебряным светом. Вот только просыпаться утром и смотреть в его стальные серые глаза было пыткой. Не видно сквозь холодную сталь любви. Хоть и говорил он о ней по сто раз в день. Только все зря. Мои дурацкие мозги не могли совместить его слова и взгляд. Вот ему бы карие глаза. Бархатные ресницы. Карие глаза, в которых отражается янтарем нежное „люблю“...Размечталась. Тогда и работу пришлось сменить. И что мне не живется спокойно? Может, к доктору сходить? Ведь есть же извращенцы, которые любят только потому, что на партнере трусики, например, красного цвета в горошек. Может, я просто извращенка по карим глазам и светло-русым волосам? Как говорит папа: „К доктору, однозначно!“ Вот отгуляем сегодня свадьбу, а завтра с утра и к доктору. Свою судьбу устраивать...»

Господь внимательно посмотрел на ангела:

– И ты хочешь мне сказать, что у нас все получилось? Посмотри на нее. Она же действительно несчастна. Что, так трудно найти любого со светлыми волосами и карими глазами?

– Трудно, – ангел все еще сидел, не поднимая взгляда. Облака под ногами темнели. На Землю опускалась ночь. – Я не могу ей подсунуть первого встречного.

– Хм...

– Или первую встречную!

– Уж это точно. Смотри, договоришься мне еще!

– Так я и говорю, что надо выбрать же и душу хорошую, и тело! А другие ангелы такие несговорчивые...

– А ты с кем из них говорил?

– Ну... я так вот не буду же по именам кляузничать. Они же свое дело делают хорошо...

– А ты не кляузничай. Ты открыто скажи.

– Я это... Я... не помню. А-а-а-пчхи!!!

– Так вот, я тебе скажу. Ни с кем ты не говорил. Только не говори мне обратное и не забывай, кто тут Создатель, а кто так, создание, хотя и с крылышками!

– Апчхи-и-и!

– Вот ведь расчихался.

– Я не специально. Я даже не знаю почему. Апчхи!

– Да все ты знаешь. Какое первое правило ангелов при работе с людьми?

– Ангел имеет право целовать своих подопечных и не име-

ет права создавать ситуации, когда целуют его. В этом случае ангел может сам стать в чем-то человеком и полюбить...
Господи, я люблю ее?

– Ну, конечно, не так, как любят люди. Не забывай все же про физиологию...

– Да к чер... ой, прости, Господи... а-пчхи!... эту физиологию. Я люблю ее!

– И потому чихаешь. И будешь чихать, пока не разлюбишь. А не разлюбишь точно. Это я тебе говорю – Создатель. Только разнесешь тут вирус земной любви. Так, глядишь, все ангелы к своим подопечным в лучах солнца являться будут!

– Прости меня, Господи, – ангел упал на колени. – Что же мне делать?

– Хм... есть одно средство... но тогда ангелом тебе не быть!

– Апчхи-и! Мне и так им не быть. Меня от всех изолировали. Как в земном санатории оградили от райского мира.

– Мда... ну что же, ты сделал выбор. Иди, выбирай тело. – Господь устало раздвинул облака и посмотрел на оставленную во время разговора шахматную партию. Белые должны выиграть. Рука медленно потянулась к королеве, ангел был на время забыт.

– Мужчина или женщина? Мужчина или женщина? – ангел сложил аккуратно крылышки и приглядывался к земным телам. Его будущее было предрешено. Скоро на Земле одним человеком станет счастливее. Вот такая жизнь у анге-

лов. Порой надо жертвовать крыльями, чтобы спасти душу человека...

Шаг за шагом

Шаг за шагом опускаться во тьму. Принять ее и стать ею. Шаг за шагом. Чтобы потом, когда ничего уже не будет напоминать свет ни снаружи, ни внутри, снова идти к свету. Странная штука жизнь. Контрастная. Без черного не понять белого. Без белого не осознать, как страшно черное. Но бояться его не стоит ни внутри, ни снаружи. Понять – вот в чем смысл. Только поняв и приняв, можно сделать выбор и, сделав его, избавиться от того, что мешает жить. Главное – побороть страх.

– Боишься?

– Очень.

– Тогда зачем?

– Не знаю. Если я не могу объяснить, то это не значит, что не надо делать.

– Но ведь потом будет плохо.

– Будет. Но потом и будет осознание «зачем».

– А нельзя подумать сразу и принять решение?

– В принципе, можно. Можно не принимать наркотики, видя, как твои школьные друзья умирают. Можно не убивать, видя, как оплакивают. Можно... если это внешнее. Но если это внутри, то только пройдя через это, можно ответить на вопрос «зачем».

– А если это приведет к разрушению тебя?

– Значит, в другой жизни будет опять что-то, что даст ту же ситуацию и... все равно надо будет пройти.

– Грехи прошлого?

– Называй как хочешь. Не знаю. Просто не отталкивай меня на пути к познанию.

– А если мое «надо» – это дать тебе понять, что, не вступая на тропу, можно дойти до конца и вернуться к свету?

– Тогда просто будь рядом и дай руку, чтобы можно было вернуться. Ок?

– Ок. Я люблю тебя.

– Даже сейчас?

– Да. Я люблю тебя. Дай руку.

Можно идти к свету, не став тьмой. Иногда познание совсем не то, что кажется нам. Главное, чтобы был кто-то, кто протянет руку.

***

И не понять вам всего того удовольствия, которое можно получить от шоколада с солеными огурцами. Это только вам, людям, доступно есть сначала одно, а потом другое. Нам, ангелам, лишь раз в сто лет и только за какие-то благие дела разрешается вкусить человеческих яств. Вот и выбираем все возможные вариации, чтобы зараз и по максимуму.

Мда, вкусно-то как! Федюшка-то, ангел небесный и друг мой ясный, позавидует. Ангелы, они тоже завидовать умеют.

Но все по-доброму, по-белому. Федюшка хотел картошки с ананасом. Да только не доделал до конца все дела в первую сотню. На рыженьком своем споткнулся. Теперь вот заново готовит душу на новое воплощение. С подготовкой душ все не так-то и просто. Сначала надо душе разъяснить все ее грехи и ошибки. Пожурить. Потом уж похвалить за хорошее, что на Земле было, а уж затем очищать память, наполненную знанием, чтобы в новом воплощении она сама до истины дошла. Вот он сейчас и очищает. Сначала долго так «разбор полетов» устраивал. А теперь охает, ахает, но чистит. Через неделю душу опять на Землю отправит и присматривать будет.

А я вот еще немного шоколада и тоненькую дольку соленого огурца. Я так огурец тоненько-тоненько, почти прозрачными овальчиками нарезал. Шоколад ломаешь на кубики и на каждый по овальчику выкладываешь. Сидишь на облаке, свесив ноги, и кайфуешь. Вкусно!

Мне можно отдохнуть. У меня все души под присмотром. Первые – очищены и теперь ждут истину, чтобы потом в жизни ее искать. Вторые – уже ищут. Вот из вторых есть у меня одна особа. Все ее непонятно куда тянет. Вроде и маячишь ей, что «будь как все: люби – рожай». Нет же. И все стремится истину найти в себе. Все-то не заморачиваются. Быстро ставят себе внешнюю идею, и все путем. А эта нет. Все ищет что-то. Беспокойная моя. А мне думай, как теперь ее на путь истинный поставить. Если еще и учесть, что путей много,

то совсем сложно. Вот с остальными – показал путь и живут себе люди. А эта все на многовариантность съезжает. Эх, чувствую, пропущу я в следующую сотню призовое гурманство с такой-то душой на Земле. Всю статистику мне испортит. Ее бы Федюшке передать. Если не пробовал 100 лет, то и 200 не страшно.

Вот и последние кусочки. Ага, все видят – колокольчик зазвенел. Это меня зовут. Сейчас опять наденут, околоколят и все – новая вахта. Новое столетие. Счастливые души – могут шоколад с солеными огурцами кушать.

Р. S. А вообще-то, ангелы не едят. Нечем. Не могут. Не дано. Но можно же представить, что... и пусть себе думает, что... Ведь у каждого свое счастье. И вообще, думайте что хотите, а Федюшке все-таки перепадет картошки с ананасами... Ведь если нельзя, но очень хочется, то...

Рождество

Вот так вот сидишь, свесив ноги, и смотришь вниз. Падает снег. И люди думают, что пришла зима. А на самом деле ангелы меняют крылья. Так часто бывает, что на Новый год ангелы меняют крылья. Старые уже не те. И не думайте, что мы просто их снимаем и оставляем где-то в кладовке или на свалке крыльев. Совсем нет. Это довольно-таки мучительный процесс. Под лопатками все чешется. Старые перья выпадают в тот момент, когда новые уже почти пробились сквозь тело. Ощущение в миг, когда прорывается перо, словно нарыв ломается: и больно, и легко, и... как же все чешется. А потом уже, когда старые перья осыпаются, их сметают с неба вам на плечи. А вы думаете – снег. И никто ни разу не спросил, почему снег и перья – белые? Мда... У нас смена крыльев раз в год – зимой. Редко у кого меняются в другое время года. Слишком нерационально такую красоту по перышку показывать. Вот, в принципе, так и можно проверить, много ли над вами, вашим городом или страной, ангелов. Чем больше снега, тем больше нас. А в Рождество у нас столько работы и столько хлопот, что даже не думаешь о том, что крылья обновляются. Рождество как эстафетная палочка, когда «старые перья, которые еще остались, учат молодые летать». Даже крылья учатся летать. А мы учимся жить с крыльями. Каждый год заново. Каждый год перерож-

дения. Наше маленькое Рождество. Наша маленькая тайна.
Наше счастье. Сидишь вот так вот, свесив ноги, и смотришь
вниз... А у ангела новые крылья.

Пять мгновений жизни

- Замерзла?
  - Не очень. Похолодало.
  - Держи пиджак. Я и без него горячий.

  - Я тебе сколько раз говорила, не бросай обертки!
  - Ма-а-а-а-а-ма, она сама улетела-а-а-а.
  - Я тебе покажу «сама»!
  - Что сама покажешь?
  - То, что улетело! Шутник. Мда.
  - Мамочка-а-а...
- Улыбки.

Щелк.

Щелк.

Ветер мешает.

Щелк.

– Зараза, опять не зажигается... Девушка, у вас огонька не будет?

– Не курю.

– Жаль.

– И вам не советую.

– А посоветуйте что-нибудь, а?

– Например?

– Ну, например...

– Молоко купила. Хлеб купила. Еще неделя – и пенсия. Господи, как холодно! – старушка поежилась и передернула плечами.

– Бабушка, это ваш кошелек?

– Кошелек? Мой... – Роется в сумке. – Нет, деточка. Слава Богу, мой при мне.

– Ну и не мой. Тут всего рублей триста.

– Боже, Боже. Потерял кто-то.

– А вы берите себе. Мне это не деньги, а вам сгодится.

– Сыночек, да как же так. Сыночек!.. Убежал...

– Фирмы под ключ. Готовые фирмы под ключ, – мужчина лет пятидесяти ходил по улице с транспарантом на шее. – Фирмы под ключ. Готовые... Зараза. Опять похолодало.

Он остановился и с тоской посмотрел на бурлящий поток улицы.

Лица.

Лица.

Лица.

– Да гори все синим пламенем. Мерзнуть тут!

Он сбросил транспарант, застегнул ветровку поплотнее и, махнув рукой, спустился в переход.

– Наигрался? – Рыжий Ангел подмигнул Белому.

– Ага. Так приятно порой без дела пролететь низко-низко и изменить мир. Одним взмахом крыла.

– Игрун. Давай-ка назад. Ждут нас.

– А тут?

– Да тут все ок. Сейчас немного добавим солнца, и жизнь продолжается.

Когда ангел грустит

Вы когда-нибудь видели, как грустит ангел? Вы когда-нибудь видели, как исчезает улыбка? Вы вообще когда-нибудь видели ангела? Не думаю. Когда все хорошо и улыбка на вашем лице, то до ангелов ли вам? Придет ли вам в голову идея, когда все хорошо, замереть на мгновение и, затаив дыхание, ждать, когда то самое угловое зрение позволит вам увидеть ангела?

А когда плохо? Но тогда ангелам нельзя ни грустить, ни печалиться. Надо быть в форме и решать проблему. Вытаскивать вас в новую полосу жизненного оптимизма. До себя ли ангелу тогда? То-то. И вы опять не видите его.

А ведь, как и людям, ангелам иногда невероятно грустно. Знала я тут одного ангела. Молодого совсем еще. Рыжего. Представляете себе рыжего ангела? Вот и я не представляла. Говорят, что до того как получить крылья, он писал сказки. Во времена детективов и ужастиков – сказки. Конечно, его не издавали. Но это как-то мало тогда его волновало. Он писал сказки и раздавал их детям. Сначала детям. А потом некоторые сказки даже и взрослым.

В общем, лучшего претендента на роль ангела и не найти было бы, если бы не плотские утехи. Не могу сказать, что тогда наш Рыжий был развратником. С точки зрения окружающих, скорее, даже наоборот – затворником. Но если уж

гулял, так гулял. Хотя и тут будет неправильно употребить глагол «гулял». Скорее, влюблялся. Но... не любил. Обжегся впервые на любви, закрылся в себе и позволял эмоциям брать верх настолько, насколько не было больно. И было не больно. Было никак. Пока...

– Послушайте! Ну послушайте же! Я к вам обращаюсь! – молодая женщина, запыхавшись, ухватила Рыжего за руку. – Господи, за вами не угнаться! По-моему, это вы потеряли рукопись.

Белые листки с ровными рядами черных буковок. Его имя внизу каждого. Выпали. Улетели. Исчезли. Чтобы появиться и привести сюда ее – незнакомку. Милую незнакомку с русыми волосами и глазами-хамелеонами: то ли серыми, то ли голубыми. Он тогда и не понял.

– Спасибо. Черт, я такой бываю рассеянный!

– Да. И быстроходный! А это что? Ваши рассказы?

– Да. Нет. Впрочем, скорее сказки. Хотите, я вам прочитаю? Тут недалеко есть кафе. Это в благодарность за...

Он не успел договорить, как услышал:

– Да. Но кофе должен быть крепким, и никакого молока.

Уже потом он узнал, что кофе она заказала для храбрости и еще оттого, что он ей понравился. Ну, он, Рыжий, а не кофе. Кофе ее возбуждал и делал более раскованной. Обычно так на женщин действует вино. А тут черный кофе.

Они встретились раз.

Потом еще раз.

Он никогда не спрашивал, замужем ли она, есть ли у нее дети и на какой улице она живет. Просто иногда она появлялась, и они шли гулять по городу. Потом в одном из центральных кафе читали сказки или говорили о жизни. Обычно тогда у него рождались новые интересные сюжеты, но он предпочитал оставлять их на потом и не упускать драгоценного времени общения с ней. Однажды при прощании она его поцеловала. Это можно назвать просто дружеским поцелуем. Но для него это было нечто. Новый этап. Новая привычка заканчивать встречи с ней. Нельзя сказать, что ему не хотелось большего. Впрочем, хотелось большего и ей. Но почему-то, так или иначе, каждая встреча заканчивалась без продолжений. Пока не наступила весна.

Весной... они стали близки. Это было для них так же естественно, как для вас видеть первую капель или замечать, что солнце стало припекать и пора снимать зимние куртки. Несколько коротких встреч. Период, когда не было написано ни одной строчки. Потому что глупо писать, когда приходит время любить. Любое написанное слово, до или после близости, казались ему банальностью по сравнению с ее телом, запахом, дыханием. Он никогда не требовал от нее клятв и слов, что она принадлежит ему. Он любил здесь и сейчас. И знал, что если ей суждено стать на долгие годы его женщиной, то так тому и быть. Если же нет, то тратить время на ревность к неведомой ему жизни, несбывшимся мечтам или чему-то еще было бы глупо. Он любил здесь и сейчас.

А потом ее не стало.

Все когда-то заканчивается.

Закончилась и она.

Просто, сказав однажды свое обычное «пока и до...», забыла сказать «завтра». А он просто не обратил внимания. Пока не пришло первое завтра без нее.

Сначала он не понял, что произошло.

Миг непонимания.

Потом ему стало больно. Очень больно.

Но не появилось ни ненависти к ее исчезновению, ни злости на свое одиночество. Когда любишь по-настоящему, этих чувств просто не может быть по определению.

Родилась печаль.

Он подумал, что странные слезы, так предательски размывающие весеннее небо, не достойны ее. Она бы их точно не одобрила. И он перестал плакать.

Потом он заметил, что первые, ранние пушистые почки пахнут точно так же, как пахло ее тело, а вечерний город похож на тот самый грустный взгляд, который он изредка ловил во времена, когда она была с ним.

Вам, наверное, так же странно, как и мне. Но для него видеть во всем только ее было нормально. Любовь оказалась больше его самого. Друзья и знакомые с беспокойством наблюдали, как он уходит в какой-то свой, неведомый им доселе мир. А тот мир принимал его и готовил крылья. Ангелами становятся по-разному. Его путь был *его путь*.

Когда он очнулся, то поймал себя на том, что Земля отсюда, сверху, действительно голубая.

Потом, что крылья жутко тяжелые.

Потом, что ему уже никогда не спуститься и не встретить ее.

Он попробовал заплакать, но у ангелов нет слез.

Он попробовал снять крылья, но если ты ангел, то снять их нельзя. Только отрезать. А резать по живому, да еще со спины... он был ангелом, а не мазохистом.

Улыбка, столь присущая всем ангелам, медленно сошла с его лица, а в глазах поселилась грусть. Но грусть не слезы. И грусть не зло. Грусть... грусть ангела была подобна яркому лучу света. Наверное, благодаря такому свету путники в ночи могли бы находить дорогу домой. Но Рыжий Ангел не мог быть маяком заблудившимся. Слишком много было в нем любви. И тогда он стал ангелом надежды. Потому что после каждой грусти рождается спокойствие, а после спокойствия – надежда. И вот когда эта надежда зарождается в вас, то знайте, что это Рыжий Ангел касается вас своим крылом, даруя желания жить и надежду на новую встречу с любимыми.

Вот такой вот он – Рыжий Ангел. Ангел, который грустит, чтобы нам в разлуке было не так больно, и дарует надежду, что все будет... однажды.

Просто должно пройти время

– Это не максимум. Это все, что мы можем.

– Да. И при этом они не понимают нас. Думают, что мы их бросаем. Вот и сейчас она так думает. Ищет виновных и винит меня, сама того не подозревая.

– А что случилось-то? Хватит намеков. Хочешь помощи – говори все.

– Да все... всего как-то много. Вот как мне объяснить ей, что когда уходит любимый человек, это не смертельно? Как сказать, что это есть испытание ее души и воспитание чувств? Ведь если она не узнает... нет, не так. Если она не выпьет свою чашу расставаний до дна, то никогда не оценит радость встречи и не откроет, что любовь не умирает. Только людям на Земле дано любить. Но чтобы понять любовь, надо пережить разлуку и потерю любимого человека. Хоть раз, но надо. Ведь любят не одного и не одну. Каждый новый – это словно еще одна ступенька в любви.

– Экий ты философ. Привыкай, что любой человек, полюбив, решает, что это навсегда.

– А что, навсегда не бывает?

– Ну почему же? Бывает. Но только если душа научилась отпускать другую душу. Ведь настоящая любовь приходит только после этого познания.

– Да. Нам говорили это на тренингах. Это одна из самых

важных глав в воспитании души.

– Вот именно. Помнится мне, еще в древние по земным меркам времена даже кто-то озвучил сей постулат на Земле. Ведь тем мы и помогаем людям, что через кого-то передаем знания о душе. Там говорилось что-то вроде того, что существует несколько сущностей любви. Помнишь?

– Да. Первое, – ангел, как ученик, отвечающий учителю, вытянулся, расправил крылья и отчеканил: – Когда тело любит тело. Но тогда человек мало отличается от зверя. Второе, когда тело любит тело, а душа любит душу. Третье, когда человек может отпустить любимого человека, когда приходит пора прощания и прощения, когда душа отпускает душу и тело больше не может наслаждаться телом, а в душе возникает благодарность к тому, что было. И последнее, когда душа любит Бога.

– И на какой ступеньке она?

– На второй. Мне не объяснить ей этого. Я не тот ангел, который может явиться как видение и передать слова Бога. А она не тот человек, который готов это воспринять. Как правило, это происходит, когда душа любит Бога... или когда это предначертано изначально. А таких людей единицы.

– Значит, ей будет очень больно, пока она не перейдет на третью ступеньку и не научится отпускать от себя с благодарностью за ту любовь, которую ей подарили.

– Но я же страдаю от ее боли.

– А кто сказал, что ангелом быть легко? Скажи спасибо,

что ее душа уже настолько сильна, что она не лезет в петлю или не вскрывает вены. Скажи спасибо, что душа борется и принимает уроки. А то ведь, не дай Бог что, и тебе быть в ответе. Так и крылья можно потерять!

– Сплюнь! Нет. Я тут спокоен. Предыдущие уроки сделали ее сильной, и она никогда не пойдет на такое. Тут мне с подопечной повезло. Но если бы ты знал, как больно!

– Я знаю. Быть ангелом не так-то просто. Это только те, кто стоит в очереди за крыльями, думают, что, надев их, сделают людей счастливыми. Путь к счастью человека настолько труден, что многие ангелы не сдают даже первого экзамена на хранителя, потеряв своего подопечного и его душу. Ведь боль человека в нас во сто крат больше и ярче.

– Слушай, как мне ей объяснить, что мир не кончен на расставании и за каждым расставанием будет встреча?

– Дай ей покой. Создай такие ситуации, которые займут ее ум. Тогда и душа будет решать новые задачи и все меньше и меньше болеть. Боль до конца не уйдет. Каждый человек, умирая, испытывает все боли расставания в одно мгновение. Но только для того, чтобы душа после смерти помнила об этом. И каждый человек, выпивший свою чашу горести до дна, найдет покой потом тут.

– Зачем? Зачем ее пить, если потом тут все так хорошо? Разве нельзя попасть сюда без этих мук?

– За все надо платить. Эта дурацкая присказка людей совершенно верна. Просто плата и расчет идут на уровне

души. Эдакий небесный счет за то, чтобы потом быть или не быть тут.

– Это жестоко.

– Нет. Это жестко, но верно. Только пережив это, можно стать сильной душой. Только испытав горечь утрат, можно оценить потом все то, что дается тут.

– Ты все сводишь к их существованию после...

– Нет, не все. Что-то они получают и там. Не забывай, что, научившись отпускать, они учатся также и ценить то, что получают.

– Да. Я читал тут ее Книгу Жизни. Если все пройдет так, как надо, то...

– Вот именно. То будет любовь. Любовь на другом уровне и с другим человеком. Любовь, в которой она оценит каждый миг. И не важно, сколько она продлится – неделю или всю жизнь. Она изменит ее и научит любить.

– Знаешь, я, наверное, сейчас полечу к ней. Она любит фиалки и... я там видел одного старенького цветочника. Дедушка давно уже смотрит, как она каждый день проходит напротив его лавки, и улыбается, если улыбается она, и грустит, если ей грустно. Может, это ее отвлечет?

– Хорошая идея. Не думаю, что отвлечет надолго, но заставит улыбнуться точно. А улыбка – это первый шаг навстречу будущему и к прощанию с прошлым. Надо научить ее помнить прошлое, но никогда не оборачиваться и не оставаться в нем.

– Легко сказать, научить...

– А что делать? На то мы и ангелы-хранители, чтобы охранять тело и воспитывать душу. Ладно, мне тоже пора. Лети. И до встречи!

– Девушка, девушка! – смешной старичок, торгующий цветами, перебежал ей дорогу. – Пойдите, девушка!

Молодая женщина остановилась. Терзать себя за то, что все развалилось и ей уже никогда не быть вместе с... это, конечно, самое сейчас главное. Но этот старичок такой смешной. Что ему надо?

– Девушка, простите, не привык так быстро ходить, – цветочник потирал левый бок одной рукой, а другую держал за спиной. – Я давно уже знаю вас. Не удивляйтесь, знаю. Как я могу не знать ту, которая каждый день проходит мимо? Вы удивительное создание. И поверьте старику, я кое-что понимаю в созданиях. Не грустите больше, прошу вас. Это вам, – он протянул ей букет первых фиалок.

Женщина с удивлением посмотрела на цветочника. Как это не к месту! Когда ей так больно, и тут кто-то с любезностями...

– Это не просто фиалки, – цветочник торопился сказать все, – это вы. У вас все только начинается. И даже любовь, хотя это пока вам так и не кажется. Просто возьмите и улыбнитесь. Пришла весна!

Женщина автоматически поднесла фиалки к лицу и вдох-

нула. На какой-то миг вся боль, что была в душе, отступила. Где-то глубоко внутри поселился пока еще не ощущаемый и едва заметный лучик покоя. Она улыбнулась и прижала цветы. Не сказав ни слова благодарности, чуть поглаживая цветы кончиками пальцев, пошла дальше.

А старому цветочнику и не нужны были слова. Просто впервые за эти дни она улыбнулась, и, значит, все будет хорошо. Просто должно пройти время. Уж он-то знал...

Между небом и землей

Между небом и землей – гроза.

Между вчера и завтра – солнце.

*Молния пронзает миг – сейчас. А главное –
долететь до цели.*

Главное – успеть вовремя.

Главное – не опалить крылья.

Если еще вчера кто-то сказал ангелу, что его сделают хранителем, он бы не поверил. Хранители – это совершенно другая порода, и даже крылья у них на полтона белее. А уж ему, с его рыжеватым оттенком, так и быть бы вечно небесным писарем, если бы не этот человек.

Странно, но раз в столетие на Земле всегда появляется избранный, которому не подходит ни один белокрылый ангел. Как правило, этот человек просто не чувствует белокрылых. А хранителей надо чувствовать. Пусть не так прямолинейно, как порой об этом мечтают люди, но как минимум во снах, когда ангелы могут говорить с людьми. А этот не чувствует. Нет, он не грешник. По крайней мере, не больше грешник, чем все остальные. Просто он избранный. Правда, об этом не догадывается, и потому все время делает не то и не так. А как?

Этого пока не знает и сам ангел. Он просто знает, что надо успеть. Успеть появиться в тот миг и в тот час, когда бу-

дет решаться судьба. Появиться всего один раз. Как правило, к избранным больше появляться и не надо. Избранные потом всю жизнь идут указанным путем. Так что, с одной стороны, дело плевое, с другой, переломный момент в битве Добра и Зла на Земле. Ох уж эти переломные моменты!

Когда ангела вызвали в отдел хранителей, он думал только о том, что, скорее всего, в одной из написанных им записок закралась ошибка и предстоит долго оправдываться...

– Вызывали?

– Да, садись, мой друг. У меня к тебе пара вопросов, – главный хранитель выглядел устало, но перья были настолько белы и так сияли силой, что не будь он ангелом, пришлось бы зажмурить глаза. – Ты думал о своей Судьбе?

– Каждый ангел думает о своей Судьбе.

– И что же ты думал?

– Ну, если все будет нормально, то лет через триста меня повысят и я стану писарем не только при канцелярии хранителей, но и при райских вратах. А вы знаете, как это почетно. Я, конечно, понимаю, что и тут моя работа важна, но я совсем не вижу души людей.

– Скучаешь по душам?

– Как я могу скучать по тому, что видел только издалека?

– Так почему ты стремишься к ним?

– Не знаю. Мне иногда кажется, что среди них есть одна... одна моя душа. И если я не пробьюсь к работе с душами, то так и не встречу ее.

– Работать с душами очень трудно и ответственно. Даже не все белокрылые могут вынести эту работу.

– Я слышал об этом. У меня часто бывают бумаги от белокрылых, которые обращаются к вам за советом.

– И ты читаешь чужие бумаги? – главный хранитель внимательно посмотрел на ангела.

– Я не только читаю, но и переписываю эти бумаги вам. Ведь каждый хранитель настолько привыкает к своей душе, что порой все обращения пишет на ее родном языке. Кто-то обращается к вам по-русски, кто-то по-английски или по-итальянски. А я все переписываю на один язык и передаю вам.

– Хм, то-то я смотрю, что последние 350 лет у всех стиль стал более выдержан. Так это твоя работа? – и не дожидаясь ответа: – Твоя. Так вот, мой дорогой, ты, наверное, заметил, что уже восемь ангелов написало мне об одной душе?

Рыжий Ангел молча кивнул головой, решив, что такой ответ наиболее соответствует моменту. И, словно в предвосхищении чего-то важного и неизвестного, его сердце забилося сильнее.

– И ты знаешь, что это может означать?

– Да, хранитель, – Рыжий Ангел посмотрел на свои руки и, не поднимая глаз, чуть слышно проговорил: – У души осталась последняя попытка. Попытка Девятого Ангела. Потом равновесие нарушится.

– Именно. Равновесие. Нарушится. – Хранитель устало

посмотрел на Рыжего и продолжил: – Сейчас осталось очень мало Рыжих Ангелов, а именно такие, как ты знаешь, и являются Девятыми. Я не хочу тревожить пока Его и рассказывать о наших трудностях и не хочу, чтобы об этом говорили в раю. Именно поэтому я хочу, чтобы Девятым Ангелом стал ты. Согласись, лучше тебя кандидатуры нет. Ты столько читал об опыте и ошибках других, что в состоянии не сделать подобные ошибки сам. Или я не прав?

– Я не знаю... я никогда не видел души людей и не...

– Зато я знаю. Если все получится, то ты сможешь выбрать: стать ли навечно хранителем этого и только этого рода или получить место при райских вратах. Как тебе такой выбор?

– Я не думаю, что у меня есть выбор. Ведь если не я или если я не смогу, то не думаю, что будет место при Вратах. Да и будут ли Врата?

– Перестань даже думать так! Ты сможешь. Итак, к делу! На Земле есть душа. Самая обычная душа и с самой обычной миссией – выбор. Каждый делает выбор. И этой душе через несколько земных мгновений предстоит решать вечный вопрос «Быть или не быть?». Хотя это громко сказано, но суть верна...

– Человек должен убить себя? – Рыжий Ангел внимательно посмотрел на Хранителя.

– Бог с тобой! Слава Богу, нет. – Хранитель улыбнулся. – Человеку надо понять, что Добро часто делает больно, а Зло

несет облегчение. Странно, да?

– Да, я слышал о неоднозначности Добра и Зла на Земле. Абсолют в понимание людей не укладывается, и потому так мучительно порой делать выбор.

– Вот именно. Так вот, человек сейчас очень болен. В этой ситуации с ним общаются еще два человека. Один, его друг, будет настаивать, чтобы наш подопечный сам боролся с болезнью. Второй предложит себя в качестве сиделки. И тот и другой приведут нашего подопечного к выздоровлению.

– Так это же прекрасно!

– Не торопись, мой друг. Если наш подопечный выберет борьбу в одиночку, то его душа пройдет назначенные ей испытания и после смерти вернется к Богу. А если нет, то мы потеряем эту душу.

– Да, но идти на добровольную боль и одиночество...

– На самом деле он будет не одинок. Его друг будет незримо рядом и всегда найдет способ помочь в этой борьбе. Но путь выздоровления будет долог и мучителен.

– А если второй путь?

– Ну, наш герой переложит заботу о себе на плечи другого, и его выздоровление будет быстрее, а вот душа превратится в эдакого паразита. И всю оставшуюся жизнь он будет цепляться к кому-то и зависеть от кого-то. И мы потеряем душу.

– Простите, хранитель, но это самая обычная ситуация. Я читал о таких миллионы раз.

– Но не в этом случае. Этот человек – точка ноль. Центр

весов. И от его поступка зависит не только его судьба, но судьба всех рожденных и нерожденных Душ. Так что не теряй времени – и в дорогу!

...В затемненной комнате Алеша смотрел на игру теней и слушал приближающуюся грозу. С самого утра море штормило. Алеша не мог этого видеть, но мог чувствовать. Он чувствовал, как море из синего стало серым, чувствовал, как небо наливается свинцом и как волнуются чайки над прибрежными волнами.

Еще полгода назад он мог все это видеть. Еще полгода назад он бы сбросил одеяло и побежал на пирс смотреть, как надвигается нечто, от чего замирает сердце. Еще полгода назад...

Через полчаса должны прийти две девушки. Одна, его давняя подруга детства, верная и преданная, уже полгода не отходит от постели. Заботится о нем. Лелеет его и выполняет каждую прихоть. С ней так хорошо. Когда она рядом, он спокоен. Все идет своим чередом. Словно штиль накрывает побережье и его, Алешу, вместе с этими холмами, бухтами, рыбацкими яликами и ботаническим садом.

Другая – гроза, как та, что идет за окном. Он встретил ее месяца два назад. Она случайно вошла в его дом. Он тогда лежал у окна и выл от боли, и вдруг ее голос. В нем не было жалости или печали. Скорее насмешка. И эта насмешка так разозлила его, что вопреки всему он приподнялся на кровати

и ответил каким-то ругательством. Ему до сих пор стыдно. Но странно, девушка не ушла. Наоборот, на следующий день она опять пришла под окно, и они долго говорили. Потом опять и опять. Правда, уже в дом. И каждый раз она находила повод, чтобы задеть его и заставить зашевелиться. Боль уходила на второй план. Сначала приходила злость, а потом и азарт доказать ей, что он может и сам все делать. Незаметно для самого себя он и в самом деле мог все больше и больше. И даже то, что называли врачи невозможным, он делал.

Два разных человека. Две милых его сердцу женщины. Одна – ласковая, как утреннее солнце. Другая – сметающая все, как ураганный ветер. Вчера они столкнулись тут, в его комнате, и на Солнце взорвалась буря. А он, Алеша, вдруг понял, что пришло время выбирать, как жить дальше. В нем намного больше сил, чем полгода назад. И то, что он поправится, признают даже врачи. Но кто будет та, с кем он встретит свой первый здоровый день? С кем и как это произойдет?

Алеша посмотрел на осколок розового неба в окне.

Раздался раскатистый гром, и на какое-то мгновение почувдилось, что там, в отражении стекла, высоко в небе, у самого основания молнии, на Землю спускался ангел. Необычный. Огненно-рыжий ангел.

В дверь постучали...

Когда ты был человеком...

«...Капелькой дождя придет время ливней. Капелькой дождя пройдет пора белого снега. Земля обновляется. Где-то там, внизу, незаметно для людей, но удивительно красиво, если смотреть отсюда, сверху, по планете идет весна.

Это вы, привычные ко всему люди, воспринимаете ее как очередное время года, а ангелам, так чутко реагирующим на ваше настроение, приходит время хлопот и капель валерианы. Любовь вступает в свои права. И, конечно, любовь – вне времени и времен года, но именно сейчас, наполняясь вселенскими силами добра, она расцветает в полной мере. Ее становится так много, что не хватает всех людей на Земле, чтобы напиться ею. И именно сейчас, весной, Земля открывается небу и впитывает в себя живую влагу любви, с первыми каплями дождя...»

– Как красиво ты пишешь! – молодой ангел посмотрел на Рыжего и улыбнулся. – Поразительно красиво! Недаром говорят, что все хранители владеют словом.

– Ну, вообще-то, я не самый лучший, хотя мне и самому нравится то, что я вижу, – Рыжий сидел на одной из миллиарда звезд и рассматривал Землю.

– Говорят, что таких, как ты, немного...

– Рыжих? Да. Есть предание, что мы появились совершен-

но случайно, самыми последними. Ведь все остальные были еще до сотворения Луны и Солнца. А мы родились из душ людей, самых чистых душ, которые на рассвете попадали в высшие слои Рая.

– И ты помнишь, что было во времена, когда ты был человеком?

– Кто-то помнит, кто-то нет. Я помню... к сожалению. И к счастью.

– Почему к сожалению?

– Ну, просто потому, что к тому моменту, как я заслужил быть ангелом, пришлось душе познать не только Светлую сторону бытия, но и... Темную.

– Ты... ты... – молодой ангел изменился в лице и прошептал... – ты знаком со Злом не через кого-то?

– Да. Это вам, белым, Зло является в виде Абсолюта. И борьба с ним не вызывает сомнений. Мы же, рыжие, до сих пор носим крупницы сомнений и метаний в себе. Наверное, поэтому нас так редко делают хранителями, и только в особых случаях.

– Тебе всегда трудно принимать решения?

– Принимать решения любому ангелу трудно. Станешь хранителем, прирастешь к душе подопечного и поймешь, что любой выбор души не зависит от нас, ангелов. Мы только помогаем увидеть и оценить выбор. А человек решает сам.

– А я думал, что мы создаем путь, по которому он идет.

– Нет, дружок. Бог дает человеку свободу. Дьявол, или

проще, Зло, создает ситуации. А мы с тобой помогаем, так или иначе, оценить их. Человек свободен сам выбирать свой путь. Хотя и верно, что жизнь каждого на Земле уже описана в небесной книге.

– Да, но это же парадокс! Если все описано, то тогда заранее известно, какая душа черная, а какая белая!

– Вот именно, парадокс. Будешь сдавать экзамен на хранителя, и будет там такой билет «Парадокс существования и развития души». Видишь ли, все не так просто. Да, есть Книга Жизни всех живущих, но если ты ее откроешь и попробуешь прочесть жизнь хоть одного человека, то поймешь, что вариантов миллионы. Как мы пишем книгу, так и Зло пишет свою. И каждый миг своего существования человек сводит миллионные варианты к тысячным, тысячные к сотым, и так далее, пока не наступает момент Смерти и весь жизненный путь не становится одним целым. Именно поэтому так трудно быть хранителем. Одно неправильное действие, и вместо того чтобы свести пути к одному, ты образует новые миллионы вариантов, а душе надо опять решать задачки между Добром и Злом.

– А что было с тобой? Ну, когда ты был человеком?

– Со мной случилась ситуация тройных многомиллионных вариантов... Может, поэтому я потом и стал ангелом. На рассвете. Рыжим... – Рыжий Ангел закрыл свой блокнот и сел поудобнее. Он вдруг вспомнил первый вариант многомиллионности. Тогда он был еще ребенком и даже ни о чем

таким не подозревал...

– Сынок, ты думаешь заниматься делами или так и будешь играть в палочки? – молодая женщина посмотрела на ребенка и нахмурилась. – Вот придет отец и задаст тебе по первое число. Посмотри, двор не убран.

– Мам, время еще есть...

Время и в самом деле еще есть. Куда интереснее выкладывать в пыли фигурки и смотреть, как из ничего появляется нечто. Вообще-то, надо бы и делами заняться. Отец не любит шалостей, и каждый из детей точно знает свои обязанности на день. Но как скучно идти по твердому графику. Только в субботу можно отдохнуть и быть наедине с собой. Но до субботы еще так далеко...

Каждый из детей. Рыжий тогда совсем не был рыжим. Черные как смоль волосы. Карие глаза. Нос с горбинкой. Ребенок как ребенок. И, как каждый из семьи, через год он бы начал учиться профессии. Все братья были мастерами по тканям. И ему предстояло научиться ткацкому ремеслу. Уже сейчас он с закрытыми глазами и на ощупь мог бы сказать, из какого края привезли материал и как долго лежал товар в трюмах корабля. Отец возлагал на младшего сына большие надежды.

– Мам, а если их, – мальчик показал на палочки, – связать вот так, тогда вся фигура будет устойчивой. Смотри.

– Будет. Ох, сынок, забиваешь ты себе не тем голову.

– Просто мне интересно. Я тут подумал, и если сюда добавить чуть изогнутую дощечку или железный...

– Ты брал у отца железные вещи?

– Нет, что ты! – он еще слишком хорошо помнил, что стало с его попкой после эксперимента с отцовскими вещами. – Я просто подумал, что если бы папа разрешил... то получилось бы все прочнее... – мальчик протянул женщине странную конструкцию в ожидании если не одобрения, то восхищения.

– Сынок, я ничего не понимаю. Давай, принимайся лучше за дело...

– Зато понимаю я!

Во двор прямо к мальчику шел высокий молодой человек. Чуть прищуривая глаза от солнца, он рассматривал странно переплетенные палочки...

– Малыш, кто тебя научил это делать?

– Никто.

– Он всегда играет так. Станный ребенок, – женщина обняла сына и спрятала за собой, отгородив от незнакомца.

– Не бойтесь. Я скоро уйду. Просто проходил мимо и заметил... – незнакомец присел на корточки. – Малыш, ты умеешь читать и писать?

– Немного, – глаза мальчика смотрели без опаски, но он все так же оставался около женщины.

– А ты можешь сказать, сколько углов у фигуры, которую ты сделал?

– Вам только внешне описать или по внутреннему кругу тоже?

Незнакомец улыбнулся.

– Кто тебе рассказал о внутреннем и внешнем?

– Никто. Но это и так ясно. Разве нет?.. Ой, папа!

Отец вошел неслышно и слушал разговор...

– Доброго вечера, сын. Доброго и вам, незнакомец. Хочу сказать сразу, мальчишка не отдается!

– Да я... – незнакомец приподнялся и поклонился хозяйну дома, – хотел только поговорить с вами...

О чем они говорили, ни мальчик, ни женщина так и не узнали, а незнакомец ушел утром один.

Ангел внимательно посмотрел на Рыжего.

– Но ты ничего не мог сделать. Ребенок...

– Я мог убежать с ним. Эта идея была во мне всю ночь.

– Ты был просто девятилетним ребенком.

– Я был мужчиной. Как это ни странно, но я точно знал, что мне «надо» идти. И не пошел. Так я прервал первую многомиллионность и создал вторую. Бедный мой ангел-хранитель, я только сейчас понимаю, как ему было тяжело!

– Но где тут Добро и Зло?

– Смешной ты. Добро и Зло – это чаще всего не война и не бой с подлостью и предательством. Добро и Зло складываются из таких вот мелочей. И не важно, сколько тебе лет. С рождения душа идет по своему пути. Только тело и разум,

поддавшись Черной или Белой стороне бытия, ведут нас...

– А кто был тот человек?

– Аравийский математик. Лингвист. Астролог. Говорят, он находил детей, чей разум был непонятен окружающим, и передавал им свое познание бытия.

– И ты бы мог?..

– Я не стал... не важно кем, важно, что все пошло иначе...

– А что было во второй раз?

– Ты не можешь этого сделать, пойми, любить ее – значит нарушать традиции, – брат внимательно посмотрел на него и грустно пожал плечами. – Традиция.

– Она что, не человек? – темноволосый мужчина сидел, зажав голову руками, и устало смотрел в одну точку. – Почему я не могу любить ее?

– Во-первых, она не нашей веры. Во-вторых, что это за жена, которая вместо того чтобы готовить мужу по утрам завтрак, пишет непонятные знаки и говорит, как нам прокладывать мост?

– Но она же оказалась права! Ведь то, что мы построили, не продержалось и двух часов!

– Не важно. Откуда женщине знать, как строить мосты? Я тебе говорю, она ведьма!

– Но это не повод для казни!

– Повод. И я тебе больше скажу, если ты не перестанешь ее защищать, то наживешь себе проблем! Не может женщина

указывать мужчине тайны цифр. От лукавого это! Так что завтра дашь показания и скажешь, что выбираешь в жены дочь пекаря. Семья там приличная, Соня и лицом вышла, и хозяйка примерная.

– Дура твоя Сонька, и ты это знаешь.

– А тебе с ней не о высоких материях рассуждать. Что бы отец сказал? Царство ему небесное. Тебе детей делать, да лавку держать. Вот там, в торговле на тканях, мозги и показывай.

– Да лавка ваша мне уже как кость в горле.

– Ты говори, да не заговаривайся! Это отец тебе все оставил. Не нам, старшим, а тебе, олуху. И хватит нюни разводить. Пошли спать. Завтра покончим с ней, и снова жизнь войдет в привычное русло.

Темноволосый мужчина никак не мог уснуть: «И почему я должен любить только ту, кто из нашего клана? Бред. Если Бог есть Любовь, то так ли уж важно, к кому она выражается? Лейся совершенно необыкновенная. Я понял это с первого взгляда. И почему никто не видит этого? Ведь если бы не она, то не построить мне такую крышу над ангаром. Я все палочками придумывал. Складывал. Раскладывал. Но каждый раз кровля, как карточный домик, складывалась. А ей понадобилось меньше часа, чтобы рассчитать силу тяжести и противовес. Зато ни у кого в округе нет раскрывающейся куполообразной крыши. Эх, Лейся, не послушался я тебя, рассказал всем о твоём умении любую задачу через чис-

ла решать. Виноват я перед тобой. Смотрела ты на меня так грустно сегодня, а я молчал и не знал, как объяснить им, что ты не ведьма, а благо всем нам. Что же я такой дурак-то? Но подожди, еще не утро...»

Ранним утром в доме старосты все спали после сон-травы. Окурили дом-то. И не только дом. Казалось, что весь город погружен в сказочную дрему. И только высокий мужчина, неся на плече дорожную ношу, встречал рассвет новой дорогой к неведомым приключениям. Женщина спала на плече и не подозревала, что жизнь, которая, казалось, должна закончиться с минуты на минуту, будет продолжаться долго. Пусть не всегда спокойно, но интересно и счастливо. Костер не разожгут без нее. Костра вообще не будет...

– И опять я поменял свою Книгу Жизни. По замыслу-то изначальному быть бы мне хорошим торговцем и вести ткацкую мастерскую при лавке. А я, видишь ли, в путь ушел. – Рыжий Ангел улыбнулся. – И не жалел о том никогда.

– Нет, – белокрылый сбросил с облака каплю, которая обрушилась дождем на один из земных городов, – нет, друг мой, ты не только свою Книгу Жизни переделал, ты всю реальность поменял.

– Знаю. Иногда люди своим выбором и это делать могут. Вот мой хранитель тогда понервничал. Я представляю себе. Ведь догмы я нарушил. Устой. Равномерный ход эволюции, пусть и одного городка.

– Да. Любовь не только догмы рушит. Она и нас, ангелов, меняет. А почему же тебя все-таки ангелом сделали? Ведь должны были быть какие-то особые заслуги.

– Особые? Смешной ты. Если честно, то я и сам до конца понять не могу. Ничем я особым не отличался на Земле. Были многие и лучше меня, сильнее и чище.

– Подумай, что-то же обязательно было.

Было...

Была дорога. Были люди и судьбы. Кто-то искал свою истину и своего Бога. Кто-то мечтал о деньгах и счастье. Кто-то учил других как жить.

А он и Лейся шли по дороге сквозь свою жизнь и вбирали в себя все краски мира. Иногда краски были яркими. Иногда черными. Ливни смывали усталость. Лето и осень дарили жизнь. Зима заставляла задуматься.

Ничего такого знаменитого они не совершали. Рождались дети, и они старались быть хорошими родителями. Возникали проблемы, и они решали их в меру своих сил. Лейся играла с цифрами, он складывал палочки. Кто-то назвал это геометрией. Но это было потом, и он об этом узнал, уже будучи ангелом. Но не об этом речь.

Рыжий Ангел вспоминал свою жизнь человека. Все было как у всех. Так, по крайней мере, думал он. Было много ва-

риантов и много дорог. И почему он стал Рыжим Ангелом, для него все равно загадка. Ответ мог дать только Бог. А пути Господни неисповедимы.

Шар

Мой шар похож на небо. Только с голубым перемешано зеленое. А иногда белые облака закрывают то, что было видно только что. Мой шар очень маленький. У других хранителей много шаров. Но другие хранители неизмеримо старше. Я самый младший и последний из них. Хотя мне и миллиарды лет по летоисчислению шара. Говорят, что после меня родится еще один хранитель, когда шаров станет больше, и я не смогу удерживать все. Я не знаю, когда это будет. Мне бы удержать этот. Вы думаете, это так просто? Просто, когда шар спокоен. Тогда я смотрю на него и улыбаюсь. Мгновения отдыха. Но даже в эти мгновения надо проявлять заботу. Маленькие шары капризны. То Солнце, то Луну им подавай. А уж что говорить о снеге и дожде? Хотя меня порой одолевает лень, и тогда дождя не бывает долго. Когда-то лени было чуть больше, чем обычно, и шар кое-где окрасился желтым. Я не люблю много желтого, но иногда это даже красиво. Вчера я смотрел на шар, и мои мысли были настолько спокойны, что гармония старших пела во мне. Единственное, что меня беспокоит, так это люди. Они появились совсем недавно по меркам хранителей. У каждого хранителя есть свои «люди». Мои же – на редкость разнообразные. Говорят, что они часть меня и что, поняв их, я смогу осознать себя, и тогда мне дадут новый шар. Мне кажется порой, что я

близок к пониманию. А потом люди ставят все с ног на голову. Пару раз в медитации я опускал свое подсознание на шар и становился человеком. Всего на мгновения. Это потрясающий эксперимент, но требует много сил и энергии. Слишком уж разрушительно быть там, на шаре. Я испытал все: от любви до ненависти, от предательства до прощения. И все равно до конца не понял себя. Старшие говорят, что это не так то просто. Если меняемся мы, то меняются и шары. Если меняются шары, то меняемся и мы. Однажды, когда я пойму нечто, я смогу добавить в свою копилку еще один шар, и тогда моему первому не будет так одиноко. Но и люди должны понять то, что понял я. А понимание вообще приходит медленно. Куда приятнее работать с частностями и индивидуальностями. Сегодня утром мой шар опять был неспокоен. Я это понял сразу по тому тонкому слою энергии, который опоясывает его. Он стал плотнее и темнее. Если потемнеет еще на полтона, то придется делать чистку и убирать очаг загрязнения. Неприятная работа. Все время ощущаешь зло шара. Но надо держать равновесие. Если мне удастся продержат его чуть дольше обычного, то, может, мне дадут второй шар и моему первому не будет так одиноко...

Каждый выбирает сам

– Ты возьмешь ровно столько, сколько сможешь унести.

– Но это же не так много, как у других!

– Однако каждый поступал именно так.

– И я смогу чувствовать?

– Да.

– И я смогу любить?

– Именно.

– Как?

– Я не знаю. Все зависит от того, что именно ты возьмешь.

– А если я возьму и это окажется болью?

– Тогда ты будешь любить, но любовь принесет тебе боль.

– А если, ну предположим, большинство из взятого будет дорогой?

– Значит, тебе придется все время быть в движении, и только тогда ты сможешь найти и полюбить.

– А если я возьму ничто?

– Это бывает не так уж и редко. Посмотри внимательно, сколько живут, и ничего. Им просто не надо. Физиология заменяет чувство.

– Но тогда что, если я унесу все?

– Это самое страшное. Ты никогда не сможешь найти того, кто бы это все смог принять, и станешь одинок, при этом чувствуя все.

– И нет золотой середины? Может, подскажешь хотя бы количество того, чего брать?

– Прости. Каждый выбирает сам.

– Лотерея.

– Удачи!

– Пока...

Так же, как...

Если идти между этими двумя ручьями, то попадаешь в теплый коридор. Шаг влево – и холод сведет скулы. Шаг вправо – и жара опалит кожу. Но тут, между, все имеет свои законы и свой смысл. И главное, не оборачиваться.

Рыжий Ангел смотрел прямо перед собой и отсчитывал ритм шагов.

– Раз. Два. Три. Человек внизу замри.

Легко перепрыгнул через невидимое человеческому глазу препятствие и, не теряя равновесия, пошел дальше.

– Четыре, пять, шесть. Злу Добро сейчас не съесть.

Улыбнулся.

– Семь, восемь... снова мой! К девяти приди домой. Ух!

Взмахнул крыльями и камнем сорвался с райских склонов вниз, к Земле, к человеку.

Зеленоглазый, черноволосый, гибкий, как ивовый прутик, Алька бежал домой, едва касаясь пятками успевшего остыть к ночи асфальта. Асфальт положили недавно, и было удивительно приятно вот так вот лететь над ним. Ни чертополох, ни колючки, ни разбитое стекло не мешали полету. На настоящем асфальте этого не бывает. На настоящем асфальте исчезает сила притяжения и есть ощущение полета. Алька ле-тел.

Так же, как навстречу ему, но невидимый из-за поворота,

летел автомобиль.

Так же, как сверху к нему летел Рыжий Ангел.

Так же, как...

Часы пробили десять. Стрелки замерли.

Так же, как...

Они тебя любят...

У Рыжего Ангела было время подумать. Уж что-что, а времени у ангелов много.

– Почему мне приходится упрашивать тебя о подопечных?

– Просто ты не такой, как другие. Тебе и душу подбирать надо особую.

– Ага. Пока все остальные ангелы получают новые крылья и бывают на Земле, я должен ждать.

– Терпение, мой друг.

– В вечности самое трудное – терпение.

– Конечно. А кто сказал, что вечность легкая штука?

– Ну, не знаю... Когда провожаешь душу от рождения до смерти, это такое необъяснимое состояние радости. Даже трудности в радость!

– И это ты говоришь мне?

– Мда. Прости. Твой сын...

– Самая моя большая радость. А я ведь вел только его душу от начала до конца. Все остальные были с ангелами. Я только так, изредка корректировал, и все.

– Ты тоже ждешь?

– Знаешь, мне нравится ждать. Пока я не вмешиваюсь, значит, все идет так, как надо.

– Знаю.

– Хотя постой, там, на Земле, должна появиться душа. Очень сильная душа. Необычайная душа. В слабом теле.

– Все тела слабые.

– Но это о-ч-е-н-ь слабое тело. Возьмешься?

– Конечно!

– Тогда готовься.

Рыжий Ангел только сейчас понял, о чем ему говорили. Ярким лучом на Землю спускалась душа. Все ангелы неба следили за ее спуском, настолько ярко и чисто освещала она небосвод. Самые опытные белые ангелы завидовали ему, Рыжему. Завидовали, потому что не знали...

Ребенок родился необычным. Ребенок без света. Без внешнего света. Врачи поставили диагноз сразу: видеть не будет. Что-то не сработало в хромосоме. Никогда не будет видеть. Родители были в шоке, но это был долгожданный ребенок, и ему были рады. Дни шли за днями, и казалось, что потрясения позади. Пока однажды, когда ребенку было 4 месяца, врачи на очередном обследовании не сказали второй страшный диагноз: ребенок не будет слышать. Маленький человек скорее реагировал на движение воздуха, на запахи, на нечто невидимое, но он не слышал. Отец посидел за одну ночь. Мама, всегда такая вкусная и нежная, резко пахла чем-то отвратительно едким. Впервые женщина напилась так, что ее отхаживали двое суток, и все двое суток ребенка впервые кормили чем-то искусственным и неприятным. Ребенок плакал. Горько плакал.

– Тише, маленький! – что-то очень теплое было рядом. Голос звучал в голове в виде слов. Слов, которых никогда не было слышно раньше. – Тише. Я рядом. Все будет хорошо. Хочешь, я расскажу тебе о рае?

Малыш заулыбался. Рыжий Ангел сел на краешек колыбели и негромко сказал:

– Там, наверху, есть место, где все цвета радуги играют на солнце. Там, наверху, есть семь нот, которые есть музыка Вселенной. Если попытаться вспомнить, то вспомнишь, но потом, когда однажды забудешь. Но ты не бойся, я всегда рядом. Так вот...

Малыш сидел на ковре и улыбался. Улыбался им. Но они этого не видели. Они никогда это не видят. Хотя могут видеть, казалось бы, все.

– Как ты думаешь, он понимает, что мы рядом? – мужчина смотрел на малыша и плакал. Он давно перестал улыбаться.

– Я даже не сомневаюсь в этом. Если ты захочешь, то поймешь его, – женщина улыбнулась сыну. Никакой реакции.

– Если я захочу. Боже мой, если бы ты знала, как я хочу. Столько лет, а он как растение.

– Надо набраться терпения.

– Ты говоришь это изо дня в день. Посмотри на себя, ты выматываешься. Столько лет, как ты не живешь.

– Я живу. Я живу им. А вот ты живешь только болью. Когда ты в последний раз играл? – женщина посмотрела на футляр, хранящий в себе старую скрипку.

– Не помню.

– А я помню. Еще до его рождения.

– Какая к черту игра? Что бы я делал этой игрой? Надо столько денег, что не до игры!

– Да, но дома, для меня и для него.

– Я не могу. Ничего не могу, – он отвернулся и закурил.

Рыжий Ангел был рядом с малышом.

– Не переживай. Они тебя любят. Просто не знают, как тебя любить. Они не понимают и потому боятся.

– Но ведь ты не боишься!

– Конечно. Надо только придумать, как им дать знак, что ты их понимаешь.

– Я пробовал. Но они не поняли.

– Да, плакать было хорошей идеей для человеческого детеныша. Но не в твоём случае.

– А смеяться я тоже пробовал. Но их испугал мой смех. Слушай, я устал. Давай лучше послушаем ноты. Помнишь, ты играл?

– Да. Тебе понравилось.

Малыш улыбнулся. Больше всего он любил, когда Рыжий Ангел играл ему ноты. И пусть он не мог слышать, как все остальные, но он чувствовал их. Чувствовал всем телом. Часто по ночам родители будили его, когда он слушал ноты. Странные взрослые боялись того, как он ворочался и мычал что-то во сне. А он расстраивался. Его музыку прерывало непонимание взрослых.

– Знаешь, Рыжий, я хочу послушать ноты не во сне.

– Я тебе объяснял уже сто раз, что днем ты можешь слышать лишь отголосок нот. Но тебе этого мало. А я не могу изменить бытие.

– Да понял я. Понял. Они снова ругаются из-за меня.

– Да, – Рыжий Ангел стал грустным, и свет вокруг мальчика изменил свое тепло.

– Я чувствую...

– Я знаю... хотя... есть идея... – Рыжий улыбнулся и проворчал: – Идея...

Мужчина не играл долго. Очень долго. Сколько прошло лет? Двенадцать лет. Убираясь в кладовке, он дотронулся до футляра. Пальцы обожгло воспоминание музыки. Боль прошла сквозь сердце. Он обернулся. Сын, такой красивый, стройный, серьезный, сидел в кресле и чуть-чуть кивал головой. Растение. Наказание за... что? Мужчине стало невероятно грустно. Пора избавляться от прошлого хлама. Пора выбросить скрипку.

Он достал ее из футляра и аккуратно стер пыль.

А ведь он мог бы быть если и не великим мира сего в музыке, то как минимум стоять на первой ступеньке с избранными.

А кем стал?

Лучше об этом не думать.

Собратся с силами и выбросить свое прошлое, чтобы не обжигало руки.

Но сначала...

Он положил скрипку на плечо. Аккуратно провел смычком. Удивительно, но время не расстроило инструмент и первый, робкий, словно луч света сквозь грозовые тучи, звук разрезал тишину. Пальцы сами вспоминали все. Сначала неловко, но с каждой нотой все более и более уверенно музыка заполняла комнату. Он закрыл глаза и стал музыкой. В последний раз стал тем, кем был когда-то до...

Женщина услышала скрипку и удивленно приподняла бровь. Показалось?

Нет. Звуки плавно плыли вокруг. Рождались заново. Она вышла из кухни и увидела...

Нет, не мужа. Первым она увидела сына. Мальчик улыбался так светло, словно сам был светом. Он больше не сидел, тупо кивая головой. Он прислушивался. Да-да, он прислушивался. Его руки словно два больших крыла рисовали музыку. Это было удивительное зрелище. Ребенок ожил. Он внимательно «слушал» и, казалось, «видел», откуда шли звуки.

Мужчина резко оборвал игру и обернулся...

– Вот решил, выкину...

– Ты это видел?

– Что?

– Ты видел? Он тебя слышал!

– Не сходи с ума. Я...

– Возьми скрипку и играй! – женщина сказала это таким

тоном, что любой, кто бы услышал ее, взял бы скрипку и начал играть, даже если бы и не умел.

Как только раздались первые звуки, ребенок преобразился. Его лицо снова стало светлым, и спокойная улыбка счастья озарила комнату. Улыбка, которую раньше они не видели.

– Боже праведный! Он слышит! Я не знаю как, но слышит!

Рыжий Ангел стоял посередине комнаты между ребенком и родителями, и улыбался.

– Они тебя поняли, малыш. Теперь все будет по-другому. Они поняли!..

Где-то внизу на Землю опускался вечер. Впервые за долгий срок Рыжий Ангел позволил себе подняться в небо так надолго. Сегодня его присутствие будет только мешать. Сегодня впервые там, внизу, ребенок взял в руки скрипку и ответил своим родителям. Это не была музыка Вивальди или Паганини. Но это была музыка, которую понимали родители. Впервые за много лет они не боялись его. Они слышали его. Они понимали его. И теперь все будет хорошо. Рыжий Ангел знал это. Ребенок верил в это. Родители надеялись на это.

«По венкам импульсы»

*Любовь изнеженно
Коснулась пальцами,
Запястья теплые —
По венкам импульсы.
Я вас люблю
Со вздохом-выдохом
На месте каменном
У моря синего.*

– Ты хочешь нащупать пульс?

– Да.

– Глупышка. У ангелов нет пульса.

– А у ангелов есть любовь?

– Конечно. Любовь есть у всех.

– Но а как же тогда «по венкам импульсы»?

– Литературный оборот человека в начале текущего земного летоисчисления.

– А венки у них есть?

– Есть.

– И импульсы?

– Пульс. Метроном сердца. Не более.

– Тогда почему?..

– Я же говорю – литература!

– Но любовь они чувствуют?

– Да.

– И так?

– И так тоже. Ну, так они говорят.

– Тогда можно нащупать и...

– Не у ангелов, дурашка рыжая!

– Жаль. Так остро захотелось пощупать любовь.

– Извращенец!

– Не... ты не понял... «по венкам импульсы»... а венки нет...

Белый Ангел молча смотрел на свое отражение в ручье. Рыжий встал и, отстукивая ритм пальцами, прошептал: «По венкам импульсы...»

Где-то высоко исчезали звезды. Пора возвращаться. Люди не ждут. Не умеют ждать. Люди.

Рыжие крылья сохнут долго

И у ангелов бывают дни, когда ничего делать не хочется. Люди обычно все списывают на мигрень или легкое ОРЗ. Ангелам такие отговорки не помогают. Тогда они говорят: «Крылья намокли, надо подождать, чтобы высохли». Садятся на край облака на рассвете и сидят весь день, сушат крылья. Рыжему Ангелу надо сидеть дольше всех, до самого заката. Рыжие крылья сохнут долго.

– Ты до вечера тут?

– Да.

– Сохнешь?

– Да.

– Поговорим?

– Нет.

Зачем говорить? Когда у человека болит горло, ему говорить совсем не хочется. Когда у ангела сохнут крылья, ему тоже хочется молчать. Рыжий молчал.

Вчера вроде все было хорошо. И позавчера тоже. И поза-поза-поза-вче...

Все было хорошо.

Просто порой бывает, что самые простые и бытовые дни переживаются намного труднее, чем дни тревог и свершений. В те дни время сжимается, несется, прессуется по эмоциям и действиям. А простые будни выматывают своей мед-

ленной уравновешенностью. Все же Рыжие больше для времен кризисных, когда подопечные души на изломе и надо выиграть битву.

– Золотистые.

– Ты о чем это?

– Я говорю, золотистые облака. Почти рыжие.

– Как твои крылья.

– Они почти высохли.

– Как там твои подопечные?

– Все нормально. Живут. Грешат в меру. Искупают грехи делами сторицей. Белые Ангелы за ними присматривают.

– Ты должен быть счастлив. Столько людей, и благодаря тебе они...

– Я счастлив. Просто грустно.

– Но почему?

– Потому что когда будет плохо, я буду нужен опять. А пока все хорошо... я чувствую усталость. У тебя так бывает?

– Нет. Я – Белый. Я настоящий. У меня нет таких эмоций.

– Знаю. Это я... недо... не белый... Я – Рыжий.

– И потому ты должен...

– Да. Знаешь, вот сейчас сядет солнце, и душа придет в равновесие. И лет 300 опять не будет кризиса. Не так уж и часто звезды всем подопечным дают благодать и счастье бытового дня. Наверное, я эгоист. Но ОН меня простит. Быть эгоистом один день в 300 лет не так уж и страшно. Зато потом острее чувствуешь людей.

– Остался последний луч, и ты можешь лететь!

– Я всегда могу лететь.

– Всегда? Даже еще час назад?

– И два. И три. И... просто мне иногда надо чувствовать это. Чтобы осознать, почему Рыжий.

– Завидую тебе.

– Не стоит. Каждому свое. Слушай, хочешь, поищем среди нерожденных пока душ будущих рыжих и конопатых детишек? Хочешь поцеловать на счастье?

– Ага, хочу.

– Тогда лови первую звезду ночного неба наудачу и... Полетели?

– Полетели.

Облако опустело. Первые яркие звезды окрасили небо россыпью серебра. Рыжее перо сдул ветер. Медленно оно погружалось в ночь земли, опускаясь все ниже и ниже.

Он протянул руку и поймал. Перо было теплым. Он улыбнулся. Разжал пальцы и положил перо в шкатулку. К таким же, другим, набравшимся со времен первого Рыжего Ангела. Когда-нибудь он достанет их и подарит новые крылья новому Рыжему Ангелу. Когда-нибудь...

Хороший день, однако

«Самое прекрасное, что есть сейчас: учить ходить человека. Человек еще маленький. Идет, спотыкается, ищет точку опоры, а я рядом, крылья в помощь. При каждом падении подхватываю и ставлю опять на ноги. До чего же смешной малыш! Он меня видит. А его родители – нет. Видели раньше. Но это не страшно. Я люблю этот период в жизни людей. Они еще способны видеть меня, цепляться за крылья, улыбаться, когда солнце касается рыжих перьев».

Рыжий Ангел протянул руку, помогая малышу делать шаг.

– Маленький мой, ну еще шажочек, – молодая женщина сидела в кресле и протягивала ребенку руки. – Кто к мамочке идет?

Малыш пытался одновременно хмурить брови и улыбаться. Хмурить брови, потому что так проще держать равновесие. Улыбаться, потому что мама счастлива. Он это видит. Он это чувствует. Вот еще шаг. Нога неуверенно сделала в воздухе странный оборот. Попа в памперсах наклонилась вправо, потом влево и... предательски потянула назад. Еще миг и... Ангел расправил крылья. Взмахнул. Протянул руку и подтолкнул малыша вперед. «Устоял, солнышко мое. Ну, еще последний шажок к маме!» Малыш улыбнулся, протянул руку и ухватился за мамин палец. Дошел. Молодая женщина подхватила сына и закружила по комнате.

Смех колокольчиком разорвал солнечный день. Рыжий Ангел сел на пол, по-турецки подвернув ноги, и, достав Книгу Жизни ребенка, вписал: «9 октября 2004 года. Прошел по комнате сам». Улыбнулся малышу и подмигнул. Хороший день, однако.

Диалог

– Ты когда-нибудь думал о предпочтениях людей? Ведь кажется, что видишь душу и мир светится золотом. А люди такие смешные...

– Не это важно, мой друг. Для них не это.

– Красота?

– Да. Странное понятие.

– Странное. Но одни из-за нее убивали. Другие совершали подвиги. Третьи кончали жизнь самоубийством. И ничего не поделать?

– Увы. Остается только сделать восприятие отсутствия безболезненным.

– А обязательно должно быть «отсутствие»?

– Конечно. Иначе как понять наличие? Должно быть равновесие!

– Ага. А мне потом утешать и расхлебывать. Достало.

– Терпи. А что делать? Сейчас такова твоя участь. Ну и человека, конечно. Человеку больнее. Так что...

Даже ангелы в Рождество и Новый год жаждут чуда

Сегодня закрыты все двери. Бывает так – ходишь по небесной канцелярии, и никого. К Рождеству это бывает все чаще и чаще. Все ангелы где-то внизу: оберегают своих подопечных, устраивают маленькие радости и готовят большие чудеса. Самое волшебное время на земле – Рождество и Новый год. Большинство людей уже не верят сердцем, но все еще на уровне генов ожидают чуда.

Рыжий Ангел шел по коридорам и заглядывал в пустые помещения. Вот какой-то ангел впопыхах забыл свою волшебную книжку. Теперь на Земле будет полагаться на память. Хорошо, если у него один или одна подопечная. А если с десяток? Хотя если так много, то ангел уже верхнего уровня и ему книжка не нужна, все помнит и так.

У Рыжего Ангела где-то внизу тоже есть подопечная душа. Метущаяся, ищущая и ужасно замороченная. Он умеет подобрать душу для Рыжего. Всегда одну. Но какую!

Рыжий тихонько отворил последнюю дверь и зашел в свою рабочую комнату. Отчеты, скорее для профформы. Вот папочка с рождением и историей души до рождения. Вот детство и юность. Вот метущиеся двадцатилетия. Эта папочка самая полная. Тут больше всего перемешано черных и белых стра-

ниц. Тяжело же было устраивать 30-й день рождения. Это только люди думают, что вступают в кризис среднего возраста. На самом деле это душа ангела мечется. Приходит время подводить итоги и переходить на новый виток. Виток закончится к тридцати трем человеческим годам. Вот эти самые три года и есть мучение. Ангелу только и успевай успокаивать человеческую душу: уводить от одиночества, потери старых друзей, сталкивать душу с новыми людьми, уберегать от соблазнов взрослой жизни, которые не всегда для души есть благо.

Да, Рыжему Ангелу пришлось долго потрудиться, чтобы вывести душу хоть на какую-то точку равновесия, с которой можно шагать дальше. Человек уже переходит в зрелость. И тяжело тому, чей подопечный засиделся в детстве. Хотя еще тяжелее тому ангелу, подопечная душа которого забыла, что такое быть ребенком, и преждевременно стала старой, сварливой и пессимистичной. Такие души после тридцати лет уже не верят ни в Рождество, ни в Новый год. А каждое неверие убивает ангелов.

Сначала ангел теряет окрас, потом все больше перьев выпадает из крыльев, и в самом конце, если не вмешается ОН, ангел покрывается серым пеплом и впадает в уныние. А что это за ангел, если он в унынии и уже не может помочь своему подопечному? Даже в небесной канцелярии есть служба по реабилитации ангелов. Как правило, молодых и ранних, но многие проходят через это. Лучше бы не проходили.

Когда-то Рыжий Ангел сам был таким реабилитологом. Это еще труднее, чем помогать отчаявшимся людям. Ну да это все в прошлом. Сейчас на Земле у него есть душа, а значит, надо думать о ней.

Рыжий Ангел провел ладонью над столом-облаком и прищелкнул. Где-то глубоко в белой пелене проступил лик женщины. Рыжий улыбнулся. Подопечная занималась домашними делами, и ее аура не предвещала проблем. Если так будет и дальше, то... На какое-то мгновение облако скрыло картинку. Рыжий отвел взор. И когда посмотрел снова, все изменилось. Там, внизу, аура девушки стала темно-синей, потом серой, и, наконец, проступил бордовый цвет – она волновалась. Это волнение перешло и к нему. Пробежало по крыльям, задев каждое перышко, опустилось на светлые локоны и сковало голову.

Скоро Рождество. Впервые для нее это Рождество будет неведомым и потому отчасти устрашающим. Все люди боятся одиночества. И чем старше становятся, тем более не признаются в этом. Если в детстве ребенок отчаянно плачет, то, став взрослым, стесняется слез и замыкает их в себе, отсюда и изменения в ауре.

Рыжий Ангел раскрыл крылья и медленно опустился на Землю, чуть поморщился, проходя сквозь стену старенького дома, и встал за ее спиной.

– Так, вещи... Что взять из вещей? – женщина огляну-

лась. – Ложки, вилки – это лишнее. Надо продумать самое необходимое.

Самое необходимое было душевное равновесие. Но это и есть та штука, которая настолько эфемерна, что не поддается простому «взять».

– Успеть позвонить К. Мне очень не хватает К. Я хочу... – она села, положив руки на колени, и с грустью подумала: «Я не хочу. Прошное не взять. А будущее само придет. Главное, правильно выбрать».

– Вот именно. – Рыжий Ангел внимательно наблюдал за ее действиями. И пусть она его не видела и не слышала, неважно. Важно, что он был рядом. – А еще лучше расслабиться и подумать о тех маленьких подарках, которые будут в это Рождество.

Вот, например...

Женщина улыбнулась на мгновение: «Наверное, там, в моем завтра, по рождественской улице маленького города ходят улыбающиеся люди... И еще есть человек со смешной зеленой шапочкой. Взрослый человек, а носит шапочку детского покроя. Хотя такая мода. Смешная мода».

Она улыбнулась и встала.

Рыжий Ангел подошел к ней и заглянул в глаза. Потом улыбнулся и провел рукой. Словно по волшебству, все тревоги и сомнения он смыл с лица женщины. Встряхнул рукой, выбросив их в никуда. Где, впрочем, им и место. И поцеловал ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.